

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 33 (4158)

Четверг, 17 марта 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

У НАС ТАКИХ МИЛЛИОНЫ

15 марта, в 7 часов 45 минут утра, вертолеты поднялись с палубы американского авианосца «Кирсардж», и когда сели, из кабин вышли на американский берег четыре советских солдата — Асхат Зиганшин, Анатолий Крючковский, Филипп Поплавский, Иван Федотов — молодые парни, о которых последние дни кричали газеты всего мира.

Г. БАКЛАНОВ

короткая запись времен войны. Наш танк подбили близ немецких окопов на «ничьей» земле. Базалось, тут не выжить и часа. Но выжили. Пехоту отражали своим огнем, а по ночам наладились приползати поединкой домой, в бригаду, за боеприпасами и провизией. Приползали черные, как черны, только зубы сверкали. Оказалось, ногами они варят в тае: жгут автол и, открывав замок, выпускают дым через ствол орудия. Одного из них спросили: «Как вы еще можете там о вареве думать?» И он объяснил буднично: «Знаете, сухоматка все-таки не еда, супчику хочется...»

Интересно, что из четырех солдат, оказавшихся в океане, трое до армии о морском деле понятия не имели.

Уже известны первые подробности этого беспрецедентного похода. На фотоснимке четверо военных ребят, мужественные, человеческие лица. На них печать серьезности, которую оставили год о и пережитые страдания.

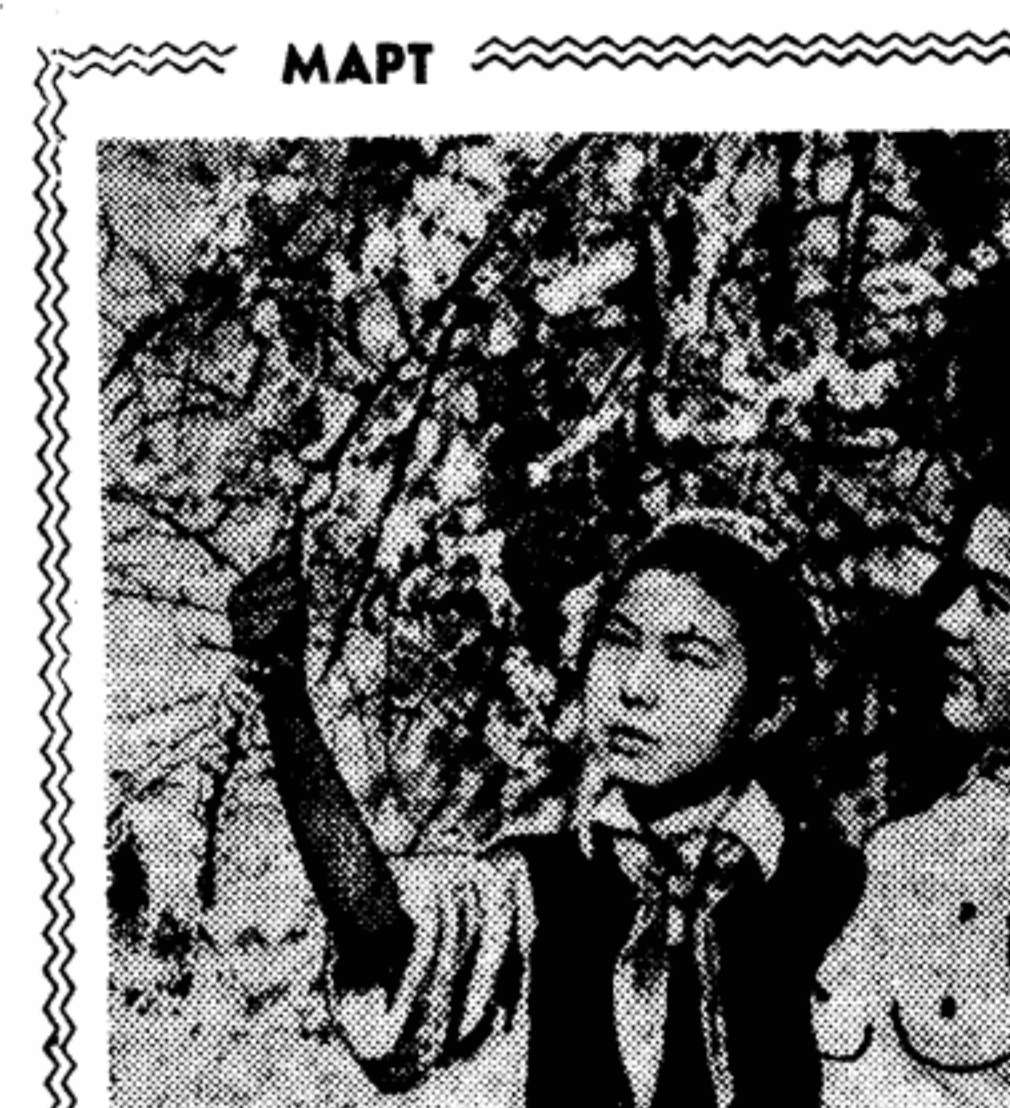
Их унесло в океан два месяца назад на хватало о бедленежной барже. До последнего часа боролась она со штормом, пятались выбросить баржу на берег. Кончилось горючее, сломалась радия. Пока она работала, на берегу слышали их голоса. Они боролись о ураганными ветрами, несшими их на скалы, и, словно чувствуя себя ответственными за все это, разразившееся вокруг них, ответственными за вверенное им воинское имущество, передавали на берег:

«Все в порядке...»
«А когда сорвет девять суток спустя американский авианосец подобрал их в открытом океане, вдалеке от родного берега, обреших, в изорванной одежде, обесилевших от голода, когда им удалось связаться по радио с первым советским человеком, корреспондентом «Правды», старший из них по должности младший сержант Зиганшин просил передать, что им пришлось бросить в океан баржу, на ней осталось кое-какое имущество, и это, конечно, беспорядок. А радовой Федотов сказал:

«Единственная у нас забота: наша солдатская одежда изорвалась за дни, проведенные в океане. Как мы сойдем на американский берег не одежки по форме? Это нельзя читать без волнения.
Двадцать третьего февраля, когда мы четверо в океане, свернули последнюю цитату и искирули ее по очереди. Так они отметили праздник. Унесенные от нас, предоставленные самим себе, не слыша даже голоса своей Родины, они жили по ее законам, думали о ней, ее праздник был их праздником. А на следующий день они свернули последний лист из последней картофельной...
Совершая походы, люди часто не сознают величия их. Есть у Твардовского

над Ленинскими рукописями...
«Ленин! Нам дорога каждая строка, принадлежащая перу Ильича. Более 30 тысяч ленинских документов хранится сейчас в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.
О работе над ленинскими рукописями, о подготовке их к изданию говорили 15 марта на встрече в Центральном Доме литераторов сотрудники Института марксизма-ленинизма — заместитель директора института Н. Матковский, заведующий сектором произведений В. И. Ленина В. Зевин и заместитель заведующего сектором М. Панкратова.
С большим интересом слушали литераторы столицы рассказ о розыске новых ленинских документов, о хранении рукописного ленинского наследия, о подготовке к изданию трудов Владимира Ильича. Н. Матковский привел в своем выступлении высказывания В. И. Ленина по вопросам литературы и искусства, ознакомил собравшихся с неопубликованным письмом А. Серафимовича к В. И. Ленину. В. Зевин сообщил о том, что до сих пор в архив продолжают поступать материалы, связанные с различными периодами жизни Ильича, выявляются прежде не известные ленинские документы.
В связи с 90-летием со дня рождения В. И. Ленина институт выпустил 36-й Ленинский сборник и очередной том 5-го собрания Сочинений основателя и великого строителя Советского государства, ленинский «Конспект» Периски К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.»

Участники вечера с глубочайшим интересом осматривали выставку ленинских документов и фотографий.
В заключение были показаны документальные фильмы о Владимире Ильиче.

...В Таджикистане уже цветут сады
Фото Ю. Милбасова

Не так давно «Литературная газета» сообщила о грандиозном замысле преобразования природы — об идее создания плотин в Беринговом проливе.
О прекрасных днях будущего, о новом климате, пейзаже, о новой земле — земле будущего, говорились тогда на наших страницах.
Мы публикуем очерк С. Кожевникова о сегодняшнем дне наших далеких островов, о людях, которые там живут и трудятся.

Темная тихая ночь. Под холодным звездным куполом тянуло дымит море. Собственный Северный Ледовитый океан с Беринговым морем. Но поспробуй увидеть его берега, когда наименьшая ширина Берингова пролива восемьдесят пять километров.
В проливе чернеют два острова. Горбатые, как верблюды, они уткнулись острыми носами в воду. Один называется Большой Диомид, второй — Малый Диомид. Большой принадлежит СССР, Малый — США. Между островами — узкая полоса воды в несколько километров. Жители обоих островов — эскимосы. Говорят они на одном языке и часто ездят друг к другу.

Представьте, эскимос с американского острова отправился вчера, в четверг, 31 декабря, и через час или два, в зависимости от быстроты его каяка, приехал на Большой Диомид. Здесь была уже пятница, началась Новая Год. Погуляв в гостях, вечером он поехал обратно и попал домой опять-таки в четверг, то есть вернулся во вчерашний день.

Это не иллюзия, не галлюцинация. Дело в том, что полоса воды в несколько километров разграничивает не только пространство, но также и время. Сегодняшний день встречается здесь с днем завтрашним: между островами Диомида проходит международная граница времени дат. А с этой границей перемены дат. А с перемены дат перемены времени.

В книге известного норвежского ученого-физиолога Родала, всю свою жизнь отдавшего Северу, я прочитал: «Арктическая ночь вскрывает нежелательные стороны поведения людей. Тщеславие, ревность, подозрительность, эгоцентризм и эгоизм, возбудимость и неуравновешенный характер ведут к спешам насилия и трагически кончающимся эпизодам.»

Это — в том мире, который живет еще во вчерашнем дне.
О дне новом, сегодняшнем, в моей тетради накопилось много записей рассказов советских полярников: гидрометеорологов, радиотехников, промышленников, зверобоев, пилотов. Я в большом затруднении, какие из них поведать читателю в этом очерке...

Давайте, пожалуй, заглянем на остров Белый, что расположен в Нарском море, у черта на куличиках, за 73-й параллелью. Остров Белый — это плоская болотистая тундра, кое-где изрезанная неглубокими оврагами. Зимой здесь бунтуют сумасшедшие метели, весной, летом и осенью его окутывают холодные спелые туманы. Обитают на острове медведи, выдаются годы, когда на Белый приходит сотни песцов. Но никогда на этой промерзшей земле не было поселившегося на всю жизнь человека.
Несколько лет назад на Белом создана полярная станция. С того времени на ней ежедневно работает по десяти-пятнадцать человек.
В 1958 году, когда я был на острове Диксон, мне рассказали о несчастном

Над тундрой все выше поднимается солнце.
Фото А. Лидова

Одиннадцать на острове

Савва КОЖЕВНИКОВ

Николаевны. — За такую неприятность она обязательно сделает какой-нибудь радующий подарок.
— Да, вот именно это я и заметила на острове Белом, — ответила моя собеседница. — Возьмите полярную ночь. Даже куропатки не выносят ее и улетают. Воздух забит ледяными иглами. Только выйдешь из дома, как ресницы, волосы, одежда моментально покрываются инеем. Морозный воздух захватывает дыхание и превращает следы в лыжи. Но природа, словно для того, чтобы люди не унывали, показывает им в это время великолепные зрелища — северные сияния. Сияния бывают самых разных форм и цветов, и всегда необыкновенно динамичны. Вот по небу вьются желто-зеленые ленты, вдруг на смену им появляются сиреневые, сияние оживает и затится по небу, как волна. Однажды ночью небо было озарено красным сиянием, а над горизонтом поднялась ярко-оранжевая луна. Утром по радио сообщили, что сияние видели в Молдавии и на Украине.

Потом Лидия Николаевна рассказала мне, как работали полярники. И вот сейчас, втянувшись в запись ее рассказа, я вижу в труде людей те же два начала, два мотива: трудности и радости. Ничего бесспорного, ничего безыюного.
Гидрометеоролог Нина Мичутина вступила на вахту. Погода стоит ясная. В небо поднимаются шар-пилот. Наблюдать за ним нужно более часа, а после надо сразу же обработать эти наблюдения и составить аэрологическую телеграмму. И одновременно требуется вести и гидрологические, и метеорологические наблюдения. Надо узнать атмосферное давление, температуру воздуха и поверхности почвы, влажность и многое другое. Нина Мичутина разрылась на части. Но где тут успеешь. И вот на последнем вечере, весь продорожный, запороженный снегом, он подкатил к дому на собаках, которых обнаружил в каком-то овраге.

Алексей и Лидия Алексеевны пошли на снеговосемку: по треугольнику в три километра надо произвести сто замеров высоты снежного покрова и в десяти местах определить его плотность. Бушевала низовая метель. Чтобы не заблудиться, зажгли лампочку на светомаяке. Ветер бил в лицо, впереди — белым-бело. Где-то в одном километре друг от друга стояли вежи, но ни одной из них не было видно.
Пурга усиливалась, белая тьма закрывала весь мир. И только светомаяк мужественно боролся с взбесившимся снежным морем. Он подбавлял, указывая людям путь. Но вот найдены все три вежи, сделаны все замеры. И огонек маяка уже зовет к себе.

Лидия Алексеевна направляется к замершей морской протоке, спускается по лестнице на лед, подходит по доскам к футштоку и начинает наблюдения над уровнем воды. Кругом ледяное безмолвие полярной ночи. Где-то бродят белые медведи. Молодой женщине становится жутко. Но чего бояться: ведь совсем близко от нее в окнах метеобина горят огни. Там друзья.
Лидия Алексеевна направляется к замершей морской протоке, спускается по лестнице на лед, подходит по доскам к футштоку и начинает наблюдения над уровнем воды. Кругом ледяное безмолвие полярной ночи. Где-то бродят белые медведи. Молодой женщине становится жутко. Но чего бояться: ведь совсем близко от нее в окнах метеобина горят огни. Там друзья.
Лидия Алексеевна направляется к замершей морской протоке, спускается по лестнице на лед, подходит по доскам к футштоку и начинает наблюдения над уровнем воды. Кругом ледяное безмолвие полярной ночи. Где-то бродят белые медведи. Молодой женщине становится жутко. Но чего бояться: ведь совсем близко от нее в окнах метеобина горят огни. Там друзья.

Лидия Николаевна давно замечает, как с каждым сутками полярной ночи все больше и больше усиливается чувство близости зимовщиков друг к другу. Вот они сидят в уютной компании одной семьи, жизнерадостные, полные молодых сил, шутят, смеются. И Лидия Николаевна кажется, что на острове Белом нет ни метелей, ни морозов, ни полярной ночи...
Так шли недели, месяцы... Зимовщики вели наблюдения, занимались в политехникуме, выпускали стенгазету, охватывали вторыми профессиями, охотились на песцов, смотрели кинофильмы, фотографировали друг друга, снег, песцов, медведей. За праздничным столом встречали 1957 год, а потом и 1958 год. Была и елка — метиз, с прутьями, обернутыми зеленой бумагой. На это простейшее сооружение было наведено так много самодельных игрушек, что она вполне походила на самодельную елку.
Однажды заболел помощник повара Георгий Шеповаленко. Женщины уложили его в постель и начали лечение, мужчины по очереди работали вместо него на кухне. Начальник полярной станции послал радиограмму врачу на Диксон: «Прошу консультации. Заболел мужчина 39 лет. Боли в верхней части грудной клетки слева, ощущаются сильно при глубоком дыхании, при движении с бока на бок, также при прощупывании. Капля, хрипов нет. Днем и вечером ставили горчичники, постоянно держали грелку, давали пенициллин».

К концу пришел ответ. Врач Розанов радиовал: «Больному принимать анестезию по одному порошку три раза в день, пирамидол по одной таблетке три раза в день. Горчичники продолжать».
На другой день Шеповаленко почувствовал себя лучше.
— Удивительно талантлив этот Розанов, — сказала Лидия Николаевна. — Много раз нам доводилось обращаться к нему по радио за врачебной консультацией, и он всегда ставил заочное совершенно безошибочный диагноз.
Вслед за неприятностью — болезнью Шеповаленко — пришла радость: у Александры Шеповаленко родилась дочка Оленька. На острове Белом появился двенадцатый человек.
Пришло время, когда на остров прилетел самолет за Лидией Николаевной, чтобы увести ее на Диксон в родильный дом. Самолет пробивался сквозь пургу. Но это было не впервые для пилота. Сколько раз эти маленькие, еще не родившиеся граждане заставляли полярных летчиков сломать голову, жаться в любую погоду, по лобному маршруту, чтобы помочь им благополучно появиться на свет.

У четырех Алексеевны родился первенец — дочка Маринка. Тот же пилот привез мать и дочь на остров Белый. Перед отъездом из рук в руки девочку, он сказал: «Наконец-то я сделал самое важное дело».
Алексеевны прибавилась еще одна вахта. Они назвали ее «Маринка».
А потом, как я уже сказал вначале, остров Белый постигло самое большое несчастье — умер от менингита Алексей Федорович Алексеевко, Осиротела маленькая Маринка...
Лидия Николаевна не захотела уезжать от могилы мужа, переехала на остров Диксон и часто ходит к серому холмику промерзшей земли с букетами скромных полярных цветов.
Маринке сейчас два года и сто шестьдесят дней. Скажем прямо — это не очень много. У маленькой полярницы большая жизнь впереди. Может быть, она будет одним из строителей плотин через Берингов пролив, там, где проходит международная граница перемены дат. Так пожелаем же Маринке успехов в ее жизни.
Тяжел, но необычайно благороден и нужен людям труд полярников.
Летчики и моряки, географы и экономисты не раз вспоминают их сейчас добрым словом.
Но особенно важен этот труд для дней будущих. Грандиозные планы преобразования природы, которые выстраиваются сейчас в умах ученых. Чтобы эти планы превратились в реальность, нужны не только великая идея, — нужны расчеты и чертежи, схемы и обоснования, множество исходных материалов, фактов, цифр.
Эти факты и цифры дадут людям полярникам, в том числе и те одиннадцать, которым посвящен мой очерк.

КОГДА ОЧЕРКИ ПРИВЛЕКАЮТ...

Такем АЛИМКУЛОВ

«Постоянное дело публицистов — писать историю современности», — говорил В. И. Ленин. Создает публицистика семилетку — такая задача стоит сейчас перед литературными журналами и газетами. Задача, которая требует постоянного внимания к себе.
Сегодня предмет нашего разговора — журнал «Простор» (до начала этого года журнал выходил под названием «Советский Казахстан»).

ВЫ БЕРЕТЕ в руки журнал, где есть самые разнообразные материалы — беллетристика, публицистика, трибуна литературной полемики, новости науки и техники, хроника культурного строительства — вплоть до шахматных этюдов и задач. Вы начинаете перелистывать его, не зная, с чего начать. Но вот глаза остановились на статье с интригующим заглавием: «Это случилось на девятом километре...»
В авторке № 2 гор. Алма-Аты долгое время не прекращалась текучка кадров. Судьбы пассажиров доверлялись непроверенным, случайным водителям. Один из них водит пассажирские автобусы, не имея на повороте к девятому километру прохладит тяжелая авария.
Писатель Алексей Брагин вынес на суд общественности много серьезных проблем, не ограничиваясь только положением дел в авторке № 2. Здесь соображения о конструкции пассажирских машин и

воспитательной работе среди шоферов, разговор о техническом контроле и о существующей премиальной системе.
Конечно же, фундаментом очеркового раздела в литературно-художественном и общественно-политическом журнале не могут служить материалы, исходящие из миллионской или судебной хроникой. Но, думается, и от таких тем не стоит отказываться, если на их основе поднимаются важные вопросы жизни, умно анализируются факты.
Статья А. Брагина как оперативный и проблемный отклик на события по-хорошему показательна для «Простора».

Этот журнал не жалует места на очерки и публицистические выступления. Популярна история нового, передового, широкий и многообразный охват тем характерны для рубрики «Очерки наших дней». Промышленность, республика, целина, животноводство, наука и техника, новые города и строительства, культура и спорт, вопросы быта, морали — вот что находится в поле зрения этого отдела. И это особенно отраднo — журнал умеет выбирать весьма красноречивые факты, факты, наталкивающие на размышления о жизни, будь то «овеществленные» в публицистической статье цифры сделанного и сделаемого или зарисовки будней бригады коммунистического труда (о ней теплый очерк написал С. Муканов), или портреты с переднего края семилетки, или соображения изобретателя И. Логинова о решении первого съезда Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов. Факты жизни обогатили здесь активную авторской мыслью о великих переменах, происходящих на огромных пространствах Казахстана.

Вот очерк «Завидная профессия» Юрия Ильиничина (Ю. Ильиниченко — вообще один из наиболее активных очеркистов журнала). Судьба одного человека — а за ней судьба целого поколения казахов, строивших вместе с представителями братских народов Турксии и другие круп-

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!
С апреля субботние номера «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» будут выходить на шести страницах

ШЕВЧЕНКОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

ЛЕНИНГРАД. (По телефону). Украинские литературоведы ежегодно в марте отмечают годовщину рождения и смерти великого поэта...

Прибрежит солнце и на московском бульваре.

Фото Г. Курюса

НЕДОДУМКИ

СМОТРОВОЙ лист! Сколько радости, надежд упований несет в себе эта неприятельская, но возжеланная бумажка...

Его испытывали миллионы советских людей, ставших владельцами чудесных комфортабельных квартир. До сих пор в этих уже обжитых, уютных «гнездах» хранят память о смотровом листе...

Но не всегда новоселы счастливы. Софья Афанасьевна Финюшина — зав. отделом учета и распределения жилой площади Красновостокского района — рассказывает о нескольких смотровых листах. Все они были выданы на отдельные квартиры...

«Площадь большая, но безалаберная», словно создана для неудобств жильцов», — резюмирует Е. Голубин. «Лучше дайте две изолированные комнаты в общей квартире, чем такую отдельную...» — просит К. Рубцов.

«Идаль долго, но предпочтительнее еще временно помучиться в одной комнате, чем постоянно в отдельной квартире...» — заявляет С. Наумов. Читатель и не вершишь глазам своим. В чем же дело?

Семья старого большевика С. Наумова — четверо взрослых — живет сейчас в 19-метровой комнате перенесенной квартиры старого дома, без ванны, горячей воды и других удобств. Им предложили отдельную двухкомнатную квартиру в 31,16 кв. метра в новом доме на улице Подвойского...

Я добывал в этой и других квартирах Тестовского поселка — нового герцога Красной Пресни. Они построены по типовому проекту Девяти мастерской Моспроект, руководимой архитектором М. В. Посохиним.

В соседней 12-метровой комнате одна стена занята окном, в середине другой — дверь в следующую комнату. И так, это не только комната, но и коридор, передняя, кухня.

В соседней 12-метровой комнате одна стена занята окном, в середине другой — дверь в следующую комнату. И так, это не только комната, но и коридор, передняя, кухня.

В соседней 12-метровой комнате одна стена занята окном, в середине другой — дверь в следующую комнату. И так, это не только комната, но и коридор, передняя, кухня.

В соседней 12-метровой комнате одна стена занята окном, в середине другой — дверь в следующую комнату. И так, это не только комната, но и коридор, передняя, кухня.

В соседней 12-метровой комнате одна стена занята окном, в середине другой — дверь в следующую комнату. И так, это не только комната, но и коридор, передняя, кухня.

В соседней 12-метровой комнате одна стена занята окном, в середине другой — дверь в следующую комнату. И так, это не только комната, но и коридор, передняя, кухня.

В соседней 12-метровой комнате одна стена занята окном, в середине другой — дверь в следующую комнату. И так, это не только комната, но и коридор, передняя, кухня.

В соседней 12-метровой комнате одна стена занята окном, в середине другой — дверь в следующую комнату. И так, это не только комната, но и коридор, передняя, кухня.

В соседней 12-метровой комнате одна стена занята окном, в середине другой — дверь в следующую комнату. И так, это не только комната, но и коридор, передняя, кухня.

В соседней 12-метровой комнате одна стена занята окном, в середине другой — дверь в следующую комнату. И так, это не только комната, но и коридор, передняя, кухня.

В соседней 12-метровой комнате одна стена занята окном, в середине другой — дверь в следующую комнату. И так, это не только комната, но и коридор, передняя, кухня.

В соседней 12-метровой комнате одна стена занята окном, в середине другой — дверь в следующую комнату. И так, это не только комната, но и коридор, передняя, кухня.

В соседней 12-метровой комнате одна стена занята окном, в середине другой — дверь в следующую комнату. И так, это не только комната, но и коридор, передняя, кухня.

В соседней 12-метровой комнате одна стена занята окном, в середине другой — дверь в следующую комнату. И так, это не только комната, но и коридор, передняя, кухня.

Нашим детям

Секретариат правления Союза писателей СССР в конце прошлого года рассмотрел вопрос об усилении общественных форм работы в писательских организациях...

Совет по детской и юношеской литературе состоит из 31 человека. Его председателем утверждены секретари правления Союза писателей СССР К. Воронков и В. Луис. Наш корреспондент обратился к К. Воронкову с просьбой рассказать о работе совета.

«Наш совет», — сказал К. Воронков, — призван глубоко анализировать состояние многонациональной советской детской и юношеской литературы, помогать секретариату и правлению Союза писателей СССР разрабатывать наиболее важные и актуальные вопросы ее развития.

Совет будет работать в тесном контакте с соответствующими отделами ЦК ВКП(б), министерства просвещения республики и Министерства культуры СССР, творческими союзами, издательствами, редакциями журналов и газет.

Коммунистическая партия всегда уделяла большое внимание развитию детской литературы. Но теперь, после исторических решений XXI съезда партии, после принятия закона о перестройке школы, значение этих вопросов особенно возрастает.

На первом заседании совета по детской и юношеской литературе писатели — члены совета сосредоточили свое внимание на проблемах создания современных актуальных произведений, которые помогали бы партии в воспитании советского молодого человека — строителя коммунизма.

Через два года страна отметит 40-летие создания пионерской организации имени В. И. Ленина. Необходимо привлечь крупные писательские силы для создания новых книг, песен, киноспектаклей, песен о пионерах и для пионеров. Этому будет посвящено специальное заседание нашего совета, на котором мы с представителями ЦК ВКП(б) подробно обсудим задачи литераторов в подготовке к 40-летию.

По мнению писателей совету следует заняться изучением организации детского чтения, выпуском рекомендательной литературы, работ библиотек для юных читателей. Совет не может оставаться в стороне от пропаганды и распространения детской книги; решено усилить помощь литераторов в деятельности издательства, журналов, радио и телевидения.

В союзных республиках много талантливых детских писателей. Совет окажет помощь секретариату и правлению Союза писателей СССР в глубоком и всестороннем изучении их творчества.

В беседе с корреспондентом ТАСС писатель Леонид Леонов, делаясь впечатлениями от пребывания в Соединенных Штатах, заявил: «Я заканчиваю свою почти месячную поездку по Америке. У нас было очень много интересных встреч с нашими американскими коллегами, издателями, представителями местной интеллигенции, студентами. Все эти встречи оставили у нас очень хорошее впечатление. В ходе бесед, которые мы имели здесь, в Америке, мы убедились, что передача американская интеллигенция питает хорошие чувства к нашей стране. Повсюду мы встречали благожелательное отношение к нам, которое нельзя расценивать иначе, как искреннее стремление познать нашу страну, наш народ, как стремление жить в мире и дружбе».

В беседе с корреспондентом ТАСС писатель Леонид Леонов, делаясь впечатлениями от пребывания в Соединенных Штатах, заявил: «Я заканчиваю свою почти месячную поездку по Америке. У нас было очень много интересных встреч с нашими американскими коллегами, издателями, представителями местной интеллигенции, студентами. Все эти встречи оставили у нас очень хорошее впечатление. В ходе бесед, которые мы имели здесь, в Америке, мы убедились, что передача американская интеллигенция питает хорошие чувства к нашей стране. Повсюду мы встречали благожелательное отношение к нам, которое нельзя расценивать иначе, как искреннее стремление познать нашу страну, наш народ, как стремление жить в мире и дружбе».

В беседе с корреспондентом ТАСС писатель Леонид Леонов, делаясь впечатлениями от пребывания в Соединенных Штатах, заявил: «Я заканчиваю свою почти месячную поездку по Америке. У нас было очень много интересных встреч с нашими американскими коллегами, издателями, представителями местной интеллигенции, студентами. Все эти встречи оставили у нас очень хорошее впечатление. В ходе бесед, которые мы имели здесь, в Америке, мы убедились, что передача американская интеллигенция питает хорошие чувства к нашей стране. Повсюду мы встречали благожелательное отношение к нам, которое нельзя расценивать иначе, как искреннее стремление познать нашу страну, наш народ, как стремление жить в мире и дружбе».

В беседе с корреспондентом ТАСС писатель Леонид Леонов, делаясь впечатлениями от пребывания в Соединенных Штатах, заявил: «Я заканчиваю свою почти месячную поездку по Америке. У нас было очень много интересных встреч с нашими американскими коллегами, издателями, представителями местной интеллигенции, студентами. Все эти встречи оставили у нас очень хорошее впечатление. В ходе бесед, которые мы имели здесь, в Америке, мы убедились, что передача американская интеллигенция питает хорошие чувства к нашей стране. Повсюду мы встречали благожелательное отношение к нам, которое нельзя расценивать иначе, как искреннее стремление познать нашу страну, наш народ, как стремление жить в мире и дружбе».

В беседе с корреспондентом ТАСС писатель Леонид Леонов, делаясь впечатлениями от пребывания в Соединенных Штатах, заявил: «Я заканчиваю свою почти месячную поездку по Америке. У нас было очень много интересных встреч с нашими американскими коллегами, издателями, представителями местной интеллигенции, студентами. Все эти встречи оставили у нас очень хорошее впечатление. В ходе бесед, которые мы имели здесь, в Америке, мы убедились, что передача американская интеллигенция питает хорошие чувства к нашей стране. Повсюду мы встречали благожелательное отношение к нам, которое нельзя расценивать иначе, как искреннее стремление познать нашу страну, наш народ, как стремление жить в мире и дружбе».

В беседе с корреспондентом ТАСС писатель Леонид Леонов, делаясь впечатлениями от пребывания в Соединенных Штатах, заявил: «Я заканчиваю свою почти месячную поездку по Америке. У нас было очень много интересных встреч с нашими американскими коллегами, издателями, представителями местной интеллигенции, студентами. Все эти встречи оставили у нас очень хорошее впечатление. В ходе бесед, которые мы имели здесь, в Америке, мы убедились, что передача американская интеллигенция питает хорошие чувства к нашей стране. Повсюду мы встречали благожелательное отношение к нам, которое нельзя расценивать иначе, как искреннее стремление познать нашу страну, наш народ, как стремление жить в мире и дружбе».

Свои проекты такие планировщики обособивают тем, что после ликвидации их хвостки жилищ любой тип квартир будет нужен, — займет большую квартиру. Но, глядя вперед (а это нужно делать), нельзя забывать о сегодняшнем и завтрашнем дне.

Вырастают дети, и едра терпимая проходная комната становится абсолютно нетерпимой. Сын женился, дочь вышла замуж — явление обычное, и проходная комната становится очагом драм и конфликтов.

Я упоминал выше К. Рубцова. Семья у него из пяти человек: он, жена, сын с женой и внук. Семья одна, но жить нормально она может только в изолированных комнатах. И таких семей очень много. Возникают осложнения, неудобства, с которыми архитекторы не желают считаться.

Не понятно, почему в малогабаритных квартирах запроектирована такая кухня, в которой двоим трудно развернуться. Ведь многие семьи мечтают о кухне-столовой, хотя бы за счет размера комнат. При любых условиях семья не может обойтись без прихожей и небольшого коридора. Проектируя санузел, нельзя забывать, что семье требуется и постирать, и то, что для ванны и умывальника один кран вызывает не умиление, а раздражение...

Речь идет не о расширении жилой площади, а об умении наиболее рационально для человека распланировать ее. Когда при строительстве коммунальных квартир учитывали только жилую площадь, не включая в нее подсобную. Но в квартире, где живет одна семья, — по сути дела, нет подсобной площади: здесь обживаете каждую сотку метра. И здесь, бесспорно, таятся значительные резервы экономии при разумном планировании квартир.

Защитники проектов таких домов, как построены в Тестовском поселке, немногие. Но, к сожалению, они сосредоточены там, где решаются судьбы строительства, откуда диктуются установки архитекторам. — В Государственном комитете Совета Министров СССР по делам строительства.

Доводы их в основном таковы: Первое. Если строить квартиры с изолированными комнатами, жилотдел будут заселять их несколькими семьями, что противоречит директивам партии.

Второе. Вся беда в мебельщиках. Будет малогабаритная мебель, и квартиры будут выглядеть по-иному. Так ли это? Райсоветы, бесспорно, допускают грубые нарушения принципов застройки новых домов. Сотни малогабаритных квартир в Новых Черемушках, Хорошее, Мневниках, на Фрунзенском набережной, 18-м квартале Юго-Запада и многих других районах застройки за последние годы, несомненно, небольшими семьями, одиночками, что создает совершенно нетерпимые условия быта. Но ведь это же устроили! Можно ли так сказать, «предвосхищая» ошибки жилотдела, строить из-за этого квартиры, неудобные для населения?

Что касается мебели, то, конечно, от нее также зависит удобство и уют квартиры. Но это уже совсем другой вопрос. Исно одно: борьба за экономию в жилищном строительстве нужно сочетать с заботой о человеке, о создании максимально возможных удобств для него.

В беседе по этому вопросу с заместителем председателя исполкома Моссовета тов. Борисовым, председателем исполкома Свердловского, Рижского, Ленинского, Фрунзенского райсоветов товарищами Галановым, Каньгиным, Захаренко, Исаевым, с руководителями отделов учета и распределения жилищной площади Московского, Советского, Ленинского, Ленинградского, Пролетарского районов, Людям разве, не выдал бы отнюдь мнение, подобная планировка порождает великолепную идею малогабаритных квартир, несет больше неудобства новоселам, серьезно осложняет распределение площади.

Откуда же появились подобные допущения недолгими проектировщиками? Попытаемся разобраться. В течение ряда десятилетий у нас, как правило, строились квартиры, рассчитанные на несколько семей. Но еще несколько лет назад эта порочная установка была отвергнута партией. XXI съезд КПСС поставил задачу «...осуществить переход в распределении жилой площади к предоставлению отдельной квартиры на семью», потребовав, чтобы в городах и сельской местности строились «экономичные, благоустроенные квартиры для заселения одной семьей».

В любом районе Москвы новоселы с удовлетворением говорят о маленьких квартирах с изолированными комнатами, небольшими, но удобными подсобными помещениями. Как много положительных слов можно и сейчас слышать от первых (а не последних) домов, спроектированных инженером В. Лагутенко, сумевшим отлично сочетать малые площади и большие удобства.

Но, увеличившись решением только лишь задачи экономии, некоторые архитекторы забыли о другом требовании партии — дать народу благоустроенные квартиры. В отдельных проектах, ставших типовыми, не учитываются специфические условия жизни одной семьи, требующие и соответствующего архитектурного решения. К таким трудам никак нельзя применить мудрое народное изречение «человек — мера всех вещей».

И напрасно, на наш взгляд, в «Известиях» за 15 марта группа архитекторов и строителей, среди которых, кстати, мы встречаем и М. Посохина, берет под свою защиту оглуляюще все проекты малогабаритных квартир. Право же, между метрами на строительных выставках и их некоторыми прототипами в Тестовском поселке — дистанция огромного размера. Но живут-то люди не в метрах...

И. Тендряков, За бегущими днями. Журнал «Молодая гвардия», № 10, 11, 1959.

Советские писатели в США

Делегация советских писателей в составе Степана Цицаева, Леонида Леорова, Мухомара Азизова и Олега Гончарова заканчивает поездку по Соединенным Штатам Америки. За четыре недели пребывания в Америке советские писатели посетили города Нью-Йорк, Вашингтон, Лос-Анжелос, Фресно (штат Калифорния) и Бостон, побывали на фермах, ознакомились с достопримечательными местами. Состоялось много интересных встреч с видными представителями американской литературы, издательствами, представителями местной интеллигенции, студентами и т. д.

В беседе с корреспондентом ТАСС писатель Леонид Леонов, делаясь впечатлениями от пребывания в Соединенных Штатах, заявил: «Я заканчиваю свою почти месячную поездку по Америке. У нас было очень много интересных встреч с нашими американскими коллегами, издателями, представителями местной интеллигенции, студентами. Все эти встречи оставили у нас очень хорошее впечатление. В ходе бесед, которые мы имели здесь, в Америке, мы убедились, что передача американская интеллигенция питает хорошие чувства к нашей стране. Повсюду мы встречали благожелательное отношение к нам, которое нельзя расценивать иначе, как искреннее стремление познать нашу страну, наш народ, как стремление жить в мире и дружбе».

В беседе с корреспондентом ТАСС писатель Леонид Леонов, делаясь впечатлениями от пребывания в Соединенных Штатах, заявил: «Я заканчиваю свою почти месячную поездку по Америке. У нас было очень много интересных встреч с нашими американскими коллегами, издателями, представителями местной интеллигенции, студентами. Все эти встречи оставили у нас очень хорошее впечатление. В ходе бесед, которые мы имели здесь, в Америке, мы убедились, что передача американская интеллигенция питает хорошие чувства к нашей стране. Повсюду мы встречали благожелательное отношение к нам, которое нельзя расценивать иначе, как искреннее стремление познать нашу страну, наш народ, как стремление жить в мире и дружбе».

В беседе с корреспондентом ТАСС писатель Леонид Леонов, делаясь впечатлениями от пребывания в Соединенных Штатах, заявил: «Я заканчиваю свою почти месячную поездку по Америке. У нас было очень много интересных встреч с нашими американскими коллегами, издателями, представителями местной интеллигенции, студентами. Все эти встречи оставили у нас очень хорошее впечатление. В ходе бесед, которые мы имели здесь, в Америке, мы убедились, что передача американская интеллигенция питает хорошие чувства к нашей стране. Повсюду мы встречали благожелательное отношение к нам, которое нельзя расценивать иначе, как искреннее стремление познать нашу страну, наш народ, как стремление жить в мире и дружбе».

В беседе с корреспондентом ТАСС писатель Леонид Леонов, делаясь впечатлениями от пребывания в Соединенных Штатах, заявил: «Я заканчиваю свою почти месячную поездку по Америке. У нас было очень много интересных встреч с нашими американскими коллегами, издателями, представителями местной интеллигенции, студентами. Все эти встречи оставили у нас очень хорошее впечатление. В ходе бесед, которые мы имели здесь, в Америке, мы убедились, что передача американская интеллигенция питает хорошие чувства к нашей стране. Повсюду мы встречали благожелательное отношение к нам, которое нельзя расценивать иначе, как искреннее стремление познать нашу страну, наш народ, как стремление жить в мире и дружбе».

В беседе с корреспондентом ТАСС писатель Леонид Леонов, делаясь впечатлениями от пребывания в Соединенных Штатах, заявил: «Я заканчиваю свою почти месячную поездку по Америке. У нас было очень много интересных встреч с нашими американскими коллегами, издателями, представителями местной интеллигенции, студентами. Все эти встречи оставили у нас очень хорошее впечатление. В ходе бесед, которые мы имели здесь, в Америке, мы убедились, что передача американская интеллигенция питает хорошие чувства к нашей стране. Повсюду мы встречали благожелательное отношение к нам, которое нельзя расценивать иначе, как искреннее стремление познать нашу страну, наш народ, как стремление жить в мире и дружбе».

В беседе с корреспондентом ТАСС писатель Леонид Леонов, делаясь впечатлениями от пребывания в Соединенных Штатах, заявил: «Я заканчиваю свою почти месячную поездку по Америке. У нас было очень много интересных встреч с нашими американскими коллегами, издателями, представителями местной интеллигенции, студентами. Все эти встречи оставили у нас очень хорошее впечатление. В ходе бесед, которые мы имели здесь, в Америке, мы убедились, что передача американская интеллигенция питает хорошие чувства к нашей стране. Повсюду мы встречали благожелательное отношение к нам, которое нельзя расценивать иначе, как искреннее стремление познать нашу страну, наш народ, как стремление жить в мире и дружбе».

В беседе с корреспондентом ТАСС писатель Леонид Леонов, делаясь впечатлениями от пребывания в Соединенных Штатах, заявил: «Я заканчиваю свою почти месячную поездку по Америке. У нас было очень много интересных встреч с нашими американскими коллегами, издателями, представителями местной интеллигенции, студентами. Все эти встречи оставили у нас очень хорошее впечатление. В ходе бесед, которые мы имели здесь, в Америке, мы убедились, что передача американская интеллигенция питает хорошие чувства к нашей стране. Повсюду мы встречали благожелательное отношение к нам, которое нельзя расценивать иначе, как искреннее стремление познать нашу страну, наш народ, как стремление жить в мире и дружбе».

В беседе с корреспондентом ТАСС писатель Леонид Леонов, делаясь впечатлениями от пребывания в Соединенных Штатах, заявил: «Я заканчиваю свою почти месячную поездку по Америке. У нас было очень много интересных встреч с нашими американскими коллегами, издателями, представителями местной интеллигенции, студентами. Все эти встречи оставили у нас очень хорошее впечатление. В ходе бесед, которые мы имели здесь, в Америке, мы убедились, что передача американская интеллигенция питает хорошие чувства к нашей стране. Повсюду мы встречали благожелательное отношение к нам, которое нельзя расценивать иначе, как искреннее стремление познать нашу страну, наш народ, как стремление жить в мире и дружбе».

В беседе с корреспондентом ТАСС писатель Леонид Леонов, делаясь впечатлениями от пребывания в Соединенных Штатах, заявил: «Я заканчиваю свою почти месячную поездку по Америке. У нас было очень много интересных встреч с нашими американскими коллегами, издателями, представителями местной интеллигенции, студентами. Все эти встречи оставили у нас очень хорошее впечатление. В ходе бесед, которые мы имели здесь, в Америке, мы убедились, что передача американская интеллигенция питает хорошие чувства к нашей стране. Повсюду мы встречали благожелательное отношение к нам, которое нельзя расценивать иначе, как искреннее стремление познать нашу страну, наш народ, как стремление жить в мире и дружбе».

В беседе с корреспондентом ТАСС писатель Леонид Леонов, делаясь впечатлениями от пребывания в Соединенных Штатах, заявил: «Я заканчиваю свою почти месячную поездку по Америке. У нас было очень много интересных встреч с нашими американскими коллегами, издателями, представителями местной интеллигенции, студентами. Все эти встречи оставили у нас очень хорошее впечатление. В ходе бесед, которые мы имели здесь, в Америке, мы убедились, что передача американская интеллигенция питает хорошие чувства к нашей стране. Повсюду мы встречали благожелательное отношение к нам, которое нельзя расценивать иначе, как искреннее стремление познать нашу страну, наш народ, как стремление жить в мире и дружбе».

В беседе с корреспондентом ТАСС писатель Леонид Леонов, делаясь впечатлениями от пребывания в Соединенных Штатах, заявил: «Я заканчиваю свою почти месячную поездку по Америке. У нас было очень много интересных встреч с нашими американскими коллегами, издателями, представителями местной интеллигенции, студентами. Все эти встречи оставили у нас очень хорошее впечатление. В ходе бесед, которые мы имели здесь, в Америке, мы убедились, что передача американская интеллигенция питает хорошие чувства к нашей стране. Повсюду мы встречали благожелательное отношение к нам, которое нельзя расценивать иначе, как искреннее стремление познать нашу страну, наш народ, как стремление жить в мире и дружбе».

В беседе с корреспондентом ТАСС писатель Леонид Леонов, делаясь впечатлениями от пребывания в Соединенных Штатах, заявил: «Я заканчиваю свою почти месячную поездку по Америке. У нас было очень много интересных встреч с нашими американскими коллегами, издателями, представителями местной интеллигенции, студентами. Все эти встречи оставили у нас очень хорошее впечатление. В ходе бесед, которые мы имели здесь, в Америке, мы убедились, что передача американская интеллигенция питает хорошие чувства к нашей стране. Повсюду мы встречали благожелательное отношение к нам, которое нельзя расценивать иначе, как искреннее стремление познать нашу страну, наш народ, как стремление жить в мире и дружбе».

В беседе с корреспондентом ТАСС писатель Леонид Леонов, делаясь впечатлениями от пребывания в Соединенных Штатах, заявил: «Я заканчиваю свою почти месячную поездку по Америке. У нас было очень много интересных встреч с нашими американскими коллегами, издателями, представителями местной интеллигенции, студентами. Все эти встречи оставили у нас очень хорошее впечатление. В ходе бесед, которые мы имели здесь, в Америке, мы убедились, что передача американская интеллигенция питает хорошие чувства к нашей стране. Повсюду мы встречали благожелательное отношение к нам, которое нельзя расценивать иначе, как искреннее стремление познать нашу страну, наш народ, как стремление жить в мире и дружбе».

КАК БЫТЬ С МУЗЫКОЙ?

К О Г Д А думашь в человеке Коммунизм, видится яркая, душевно богатая личность, которой доступны высшие наслаждения искусства. Этот человек представляется ясным, ярким, но не коммунистическим «бликом», мы идем к нему. Да, мы идем к нему, но достаточно ли целеустремлены наши усилия в области эстетического воспитания?

Этот вопрос в невольном задал себе, читая письмо сибирской учительнице к своему товарищу, опубликованное в «Литературной газете». В этом письме — восхищение красотой, прекрасным искусством и в жизни. В нем — любовь и забота о начинающих жить и пламенный энтузиазм молодых учителей, любителей эстетического образования. Учительница мечтает, чтоб детям открылся волшебный мир красок и звуков. Но как же ей трудно!

Прочитавши это письмо не останусь равнодушным. Если бы человек искусства — тем более, ведь письмо из Сибири вызывает не только волнение, но тревожные мысли о том, почему эстетическое воспитание так далеко отстало от больших успехов культуры в нашей стране. Мы с гордостью говорим: в Советском Союзе — лучший читатель в мире. Это никого не удивляет. С детского возраста советская школа стремится привить ребенку любовь к литературе. Но происходит ли в школе то же самое по отношению к музыке, пластическим, изобразительным искусствам? Многие ли наши выпускники школ, которые не получили специального музыкального образования, могут похвастаться хорошим, гармонично развитым музыкальным вкусом? Мне самому приходилось слышать от молодых людей: «Серьезная музыка не нужна. Она кажется скучной и недоступной нам».

Если в этом плане продолжить аналогию с литературой, то слушать только эстрадную легкую музыку — это примерно то же, что читать лишь приключенческие, развлекательные книги и не любить Толстого и Шекспира. Я ни в коем случае не хочу обвинять этих людей. Скорее это не их вина, а беда, что никто «не открыл» им огромный мир большой музыки, не научил любить ее, наслаждаться ее красотой и внутренним богатством.

А слушать серьезную музыку неподготовленным — все равно, что читать большой роман по складам. Точно же и в изобразительном искусстве. Вряд ли вы сумеете оценить произведения живописи, если будете смотреть на них в темных очках. «Темные очки», образно выражаясь, — это и есть незнание «языка» живописи. Можем быть, и пишу слишком резко, но мне по-человечески обидно за эту нашу молодежь, которая не любит, не знает, не понимает искусства. Как она обидается, обирается себя, сужает свое видение мира!

Как же тут быть? Глубоко прав художник Б. Немский, когда говорит о необходимости государственной постановки проблемы эстетического воспитания. Нам нужно ввести преподавание основ искусства в школе. Это сейчас крайне важная задача. Радостно, но, признаюсь, в то же время

«Темные очки», образно выражаясь, — это и есть незнание «языка» живописи. Можем быть, и пишу слишком резко, но мне по-человечески обидно за эту нашу молодежь, которая не любит, не знает, не понимает искусства. Как она обидается, обирается себя, сужает свое видение мира! Как же тут быть? Глубоко прав художник Б. Немский, когда говорит о необходимости государственной постановки проблемы эстетического воспитания. Нам нужно ввести преподавание основ искусства в школе. Это сейчас крайне важная задача. Радостно, но, признаюсь, в то же время

«Темные очки», образно выражаясь, — это и есть незнание «языка» живописи. Можем быть, и пишу слишком резко, но мне по-человечески обидно за эту нашу молодежь, которая не любит, не знает, не понимает искусства. Как она обидается, обирается себя, сужает свое видение мира! Как же тут быть? Глубоко прав художник Б. Немский, когда говорит о необходимости государственной постановки проблемы эстетического воспитания. Нам нужно ввести преподавание основ искусства в школе. Это сейчас крайне важная задача. Радостно, но, признаюсь, в то же время

«Темные очки», образно выражаясь, — это и есть незнание «языка» живописи. Можем быть, и пишу слишком резко, но мне по-человечески обидно за эту нашу молодежь, которая не любит, не знает, не понимает искусства. Как она обидается, обирается себя, сужает свое видение мира! Как же тут быть? Глубоко прав художник Б. Немский, когда говорит о необходимости государственной постановки проблемы эстетического воспитания. Нам нужно ввести преподавание основ искусства в школе. Это сейчас крайне важная задача. Радостно, но, признаюсь, в то же время

«Темные очки», образно выражаясь, — это и есть незнание «языка» живописи. Можем быть, и пишу слишком резко, но мне по-человечески обидно за эту нашу молодежь, которая не любит, не знает, не понимает искусства. Как она обидается, обирается себя, сужает свое видение мира! Как же тут быть? Глубоко прав художник Б. Немский, когда говорит о необходимости государственной постановки проблемы эстетического воспитания. Нам нужно ввести преподавание основ искусства в школе. Это сейчас крайне важная задача. Радостно, но, признаюсь, в то же время

«Темные очки», образно выражаясь, — это и есть незнание «языка» живописи. Можем быть, и пишу слишком резко, но мне по-человечески обидно за эту нашу молодежь, которая не любит, не знает, не понимает искусства. Как она обидается, обирается себя, сужает свое видение мира! Как же тут быть? Глубоко прав художник Б. Немский, когда говорит о необходимости государственной постановки проблемы эстетического воспитания. Нам нужно ввести преподавание основ искусства в школе. Это сейчас крайне важная задача. Радостно, но, признаюсь, в то же время

«Темные очки», образно выражаясь, — это и есть незнание «языка» живописи. Можем быть, и пишу слишком резко, но мне по-человечески обидно за эту нашу молодежь, которая не любит, не знает, не понимает искусства. Как она обидается, обирается себя, сужает свое видение мира! Как же тут быть? Глубоко прав художник Б. Немский, когда говорит о необходимости государственной постановки проблемы эстетического воспитания. Нам нужно ввести преподавание основ искусства в школе. Это сейчас крайне важная задача. Радостно, но, признаюсь, в то же время

«Темные очки», образно выражаясь, — это и есть незнание «языка» живописи. Можем быть, и пишу слишком резко, но мне по-человечески обидно за эту нашу молодежь, которая не любит, не знает, не понимает искусства. Как она обидается, обирается себя, сужает свое видение мира! Как же тут быть? Глубоко прав художник Б. Немский, когда говорит о необходимости государственной постановки проблемы эстетического воспитания. Нам нужно ввести преподавание основ искусства в школе. Это сейчас крайне важная задача. Радостно, но, признаюсь, в то же время

«Темные очки», образно выражаясь, — это и есть незнание «языка» живописи. Можем быть, и пишу слишком резко, но мне по-человечески обидно за эту нашу молодежь, которая не любит, не знает, не понимает искусства. Как она обидается, обирается себя, сужает свое видение мира! Как же тут быть? Глубоко прав художник Б. Немский, когда говорит о необходимости государственной постановки проблемы эстетического воспитания. Нам нужно ввести преподавание основ искусства в школе. Это сейчас крайне важная задача. Радостно, но, признаюсь, в то же время

«Темные очки», образно выражаясь, — это и есть незнание «языка» живописи. Можем быть, и пишу слишком резко, но мне по-человечески обидно за эту нашу молодежь, которая не любит, не знает, не понимает искусства. Как она обидается, обирается себя, сужает свое видение мира! Как же тут быть? Глубоко прав художник Б. Немский, когда говорит о необходимости государственной постановки проблемы эстетического воспитания. Нам нужно ввести преподавание основ искусства в школе. Это сейчас крайне важная задача. Радостно, но, признаюсь, в то же время

«Темные очки», образно выражаясь, — это и есть незнание «языка» живописи. Можем быть, и пишу слишком резко, но мне по-человечески обидно за эту нашу молодежь, которая не любит, не знает, не понимает искусства. Как она обидается, обирается себя, сужает свое видение мира! Как же тут быть? Глубоко прав художник Б. Немский, когда говорит о необходимости государственной постановки проблемы эстетического воспитания. Нам нужно ввести преподавание основ искусства в школе. Это сейчас крайне важная задача. Радостно, но, признаюсь, в то же время

«Темные очки», образно выражаясь, — это и есть незнание «языка» живописи. Можем быть, и пишу слишком резко, но мне по-человечески обидно за эту нашу молодежь, которая не любит, не знает, не понимает искусства. Как она обидается, обирается себя, сужает свое видение мира! Как же тут быть? Глубоко прав художник Б. Немский, когда говорит о необходимости государственной постановки проблемы эстетического воспитания. Нам нужно ввести преподавание основ искусства в школе. Это сейчас крайне важная задача. Радостно, но, признаюсь, в то же время

Л. И. МАРТ

Л Е Т Д В А Д Ц А Т ь П Я Т ь назад в буржуазной Литве произошла одна обычная по тем временам, ничем в общем не примечательная история. Коммунист-подползник, отсижив положенный срок, вышел на свободу. Пробывший до того свои силы в литературе, он и теперь продолжал писать — о тюрьме, о «варяжских-политзаключенных их безвестном героизме, твердости и душевном благородстве. Писал — и завлекался от ненависти к тюремщикам, бездушию, методично и целеустремленно убивавшим мужественных, верных своему делу людей. Впрочем, писал он для себя: опубликовать это нечего было и думать. Друг — случай: приятель, прогрессивный журналист, взялся напечатать. И вот в трех номерах легальной, благопристойной газеты появился рассказ о тюрьме, естественно, с цензурными «вымарками». Но, каковы бы ни были купюры, смысл рассказа оставался ясен. Автор, хоть он и скрылся под псевдонимом, не сомневался, что полиция этого так не оставит.

Но время шло. Автора не арестовали, даже не вызвали в полицию. Потом была борьба, война, победа, работа, новые романы и рассказы, и к тому старому, чудом увидевшему свет рассказу автор относился уже, как к далекому воспоминанию, не мешавшему, пожалуй, особому значению в его личной и писательской биографии.

Но зато в судьбе другого человека рассказ этот сыграл особую значительную роль. Поинция, оказавшись «регрессивной». Она искала виновника и... нашла. К дознанию привлекли ничего не подозревавшего молодого художника, чье имя совпадало с именем, которым был подписан рассказ. Искренне, неподдельное изумление само по себе наводило на мысль о полицейских — его нескоро оставили в покое, и то только просто за полным отсутствием улик. А перед тем неоднократно допрашивали, таскали по инстанциям, «выясняли»... Презрительно относившийся ко всякой «политике», занятый только секретами живописного ремесла, доводило бездумно существовавший, художник решил все же прочесть пресловутый рассказ — источник непредвиденной неприятности. Сразу и для нескольких после осознал он влияние прочитанного, но оно во многом определило его дальнейшее поведение. И при буржуазной власти, и при немецкой оккупации он был смел, нелицеприятен в суждениях и оценках, честен и принципиален в творчестве. Его независимый, прямой, со стороны даже замкнутый, несколько мрачный характер складывался постепенно, но где-то в истоках, в основе основ лежало то сильное, юношеское впечатление, тот пример, который являлся собою правдиво описанные автором неслыханные, достойные восхищения люди.

Живя в одном городе, писатель и художник, ныне уже немолодые, немало повлажившие и порабатывшие люди, изредка встречаются на заседаниях, в театре, на выставках, вежливо раскланиваются на улице. И при этом ни один из них, конечно, не думает о давнем «заочном знакомстве», о маленьком рассказе, соединившем их когда-то нерасторжимой связью...

Мне кажется, что эта история может быть положена в основу пьесы. Пьесы о писателе и читателе, о смысле и назначении писательского труда. Но тут я слышу предостерегающий голос товарища Анастасьева: а не тот ли тут случай, когда «искусство неправомерно уподобляется жизни, правда действительности отожествляется с художественной правдой»? Может быть, и впрямь этот жизненный конфликт недостаточно определен и выразителен для того, чтобы лечь в основу драматического конфликта?

Каждый, кто в какой-то мере связал себя с драматическим искусством, не может не думать о природе и характере современного драматического конфликта. И если нельзя не разделить пафос А. Анастасьева, горячо и во многом доказательно защищающего право на драматический конфликт, то нельзя и не поспорить по поводу предположимых им конкретных «рецептов» конфликта. Получается как-то так, что в его статье утверждается необходимость нарочитого приращения искусственной «концентрации» конфликта к драматическому произведению. А ведь это вовсе не равнозначно художественному осмыслению действительности средствами драматического искусства.

Может ли появиться пьеса о счастливых людях? Не вдовил ли переодетым и несложными обманами, танцами и завершающими действие пошулками, а «серьезная пьеса», всерьез рассматривающая о «главных вопросах»? Пьеса о тех, кто удачлив в работе, с кем не

Сегодня в нашем обсуждении выступает А. ГУДАТИС-ГУЯВИЧЮС. Следующее слово будет предоставлено Г. МДИВАНИ.

приключилось «общечеловеческих» несчастий: неразделенной любви, болезни и трагических происшествий, у кого на редкость завидно сложилась «сфера личных отношений!» Если следовать рассуждению А. Анастасьева, пожалуй, напрашивается вывод: нельзя, это не предмет драмы. «Все счастливые семьи похожи друг на друга...» где же тут материал для пьесы?

Конфликт — основа драмы, это бесспорно. Но не стоит ли иногда подумать и о другой беспорной истине? Когда-то Станиславский сказал, что театральное искусство существует во имя изображения жизни человеческого духа. В этих словах звучит призыв к бесконечным поискам, к новым решениям и открытиям в драматургии и на театре. Ведь «жизнь человеческого духа», многообразная и многоликая, безостановочно развивается, совершенствуется, движется вперед. И эту развивающуюся жизнь мы, вопреки своим же декларациям, продолжаем вписывать в рамки привычных драматических конфликтов, а от новых явлений действительности, не поддающихся старым формам «освоения», иногда отмахиваемся — «они недраматичны».

Мне кажется, что некоторая искусственность «рецептов» А. Анастасьева проистекает из того, что он имеет в виду лишь привычную, «традиционную», в чем-то уже старомодную форму драмы. Тут может быть с известными поправками на «телевизионность», добротность эпизодов, временное смещение действия, как это встречается во многих произведениях. Пусть не поймут меня так, что я вообще против «традиционных» форм, но мне кажется, что предисловий всякого содержательного разговора о драматургии должна быть ясная уверенность в том, что нужно искать новых путей. В этой дискуссии уже немало говорилось о новаторской роли Островского, Чехова, Маяковского, Горького. Стоило бы обратиться и к другим примерам новаторства. Вспомним «Штурм» Билля Белоцерковского, первые пьесы Погодина, драматургию Вишневецкого. Они рассматривали о современниках по современному, не боясь смелого формотворчества.

За новое ратуют сейчас все: поэты, прозаики, драматурги, художники, режиссеры, критики. Но если поэзия, например, давно расширила горизонты видения, охватила огромное количество значительных явлений действительности, то драматургия пребывает все еще в плену номенклатурного списка дозволенных конфликтов. Иногда бывает, что за новое мы принимаем как будто и новое на вид, а по существу, довольно таки старое и надоевшее. Я имею в виду «Пять вечеров» А. Володина. Ведь все эти «обыкновенные» люди с их «обыкновенными», тусклыми страданиями и мыслями неоднократно выводились на сцену в старинных «психологических» пьесах. Но ведь и «обыкновенный» обыватель видоизменился в соответствии с «потребностями времени», и его психологическая структура дифференцировалась. Что Володин талантливый, ищущий писатель, никто не сомневается: да только там ли он ищет? Куда ли обращены его доброта, сочувствие, теплота, которые в применении к персонажам «Пяти вечеров» выглядят скорее серообильным «жалением»? В этом смысле поиски А. Салынского в пьесе «Барабаница» кажутся мне гораздо более перспективными, пусть даже кое-как старое и надоевшее, и в обличье персонажей иногда сквозит героическое просвещение мелодраматические краски.

Приходилось слышать о «направлении» Арбузова, Розова, Володина... Совсем недавно об этом писал В. Плутчик. А я бы отделил их друг от друга. Если пьесы Арбузова и Розова отмечены стремлением сказать о новом по-новому, то «новаторство» Володина в «Пяти вечерах» звучит как вулгаризация

и измельчение «чеховского» письма. Я думаю поэтому, что драматургия Арбузова и Розова так же, как драматургия Погодина, Софронова, Леонова, Корнейчука, и пьесы Володина не только не образуют некоего единства, а противоположны в самом существе и основном — в понимании нашей жизни, в своей идейной позиции, в том, куда эти авторы ведут и своих героев и своих зрителей.

К сожалению, драматическая литература народов СССР не вся и не всегда берется в расчет при критических выкладах и обобщениях, а между тем драматургии во всех республиках, конечно же, могут к общей пользе поделиться своими мыслями и плодотворным опытом. Так, к примеру, во многих литовских пьесах явственно ощущается особая лирическая изволнованность. Лирика как элемент современной драмы — интереснейшая тема, требующая специального разговора. И хотелось бы, чтобы «Водная лилия» В. Римкявичюса, «Двадцатая весна» Ю. Марцинкявичюса, историческая трагедия «Геркус Мантас» И. Груша — талантливые, пользующиеся признанием литовского зрителя лирические пьесы фигурировали в этом будущем всесоюзном разговоре. В их жизнеутверждающей, бодрой личностно заключено противоядие против ноющей, тусклой субъективности иных «лирически-психологических» драм.

На предстоящем пленуме правления Союза писателей СССР, наверное, не будет обойдена молчанием еще одна беспокоящая писателей и зрителей проблема — инвентурность мешанских «поддельных» пьес. А что греха таить, такого рода произведения бытуют — и порою с успехом — на многих сценах, во многих жанрах. Недавно я с некоторым прочем в журнале «Москва» вовделвил А. Софронова «Миллион за улыбку». Что спросить с вовделвил? Правда, в свое время уважительно говоривали, что «вовделвил есть вещь»... О вовделвиле Софронова, по справедливости, этого не скажешь. Драматург опытный, умелый, владеющий «секретом» веселья на сцене, знающий цену крепкой, сочной шутке (вспомним хотя бы «Денги» и «Стрипуху»), на этот раз и не остроумен, и не сочен, и не весел. Пример, давно расширила горизонты видения, охватила огромное количество значительных явлений действительности, то драматургия пребывает все еще в плену номенклатурного списка дозволенных конфликтов.

Чистый голос поэта

ЕСТЬ ПОЭТЫ, которые растут медленно, долго. Ал. ДЫМЩИЦ

«Человек — человек!» в котором представлены избранные стихи за двадцать лет работы поэта, и книжка «Мосты», где собраны новые его стихотворения, навеянные путешествиями по зарубежью. Они — верное свидетельство успехов Дудина.

Михаил Дудин — талант лирический. Он — лирик по самой по стихотворческой сути. И не случайно даже лучшие его поэмы («Костер на перекрестке», «Дорога в гвардию», «Хозяйка», «Учитель») — это, в сущности, тоже лирика, лирические поэмы, в которых элемент повествовательный, описательный представлен скромно и неразвернуто. Авторские мысли и чувства — охватывают все и в стихотворениях Дудина. Больное того, Михаил Дудин любит писать о лично увиденном, о лично пережитом. Его стихи о Башкирии — это результат поездок к башкирским друзьям. Его стихи о Чехословакии — тоже результат поездки в страну друзей. Его «Мосты» — это впечатления и мысли, вызванные поездками по Западу. И во всех этих стихах перед нами — сам поэт, его раскрытое сердце.

Преобразование внутреннего (субъективного) элемента в поэтах обыкновенных есть признак ограниченности таланта. У них субъективность означает выражение личности, которая всегда ограничена, если является отдельно от общего», — заметил Белинский в знаменитой статье «Стихотворения М. Лермонтова». Но он же всемерно поддерживал преобразование внутреннего элемента в поэтах необыкновенных, в талантах большого гражданского содержания. Дудин — один из тех наших лириков, личность и взгляды которых интересны и близки широкому читателю. Это потому, что в его стихах ярко выражаются личность гражданина и поэта, мысль и чувства, характерные для нашего народа — и сказал бы, мысли и чувства, с одной стороны, соборные, а с другой — избирательные.

Что сохранилось у Дудина от начального этапа его творчества (и, надеюсь, навсегда) — это «солдатская записка». В этом смысле он близок таким нашим мастерам старшего поколения, как Николай Тихонов, балладам которого «подражал» некогда, как Алексей Сурков.

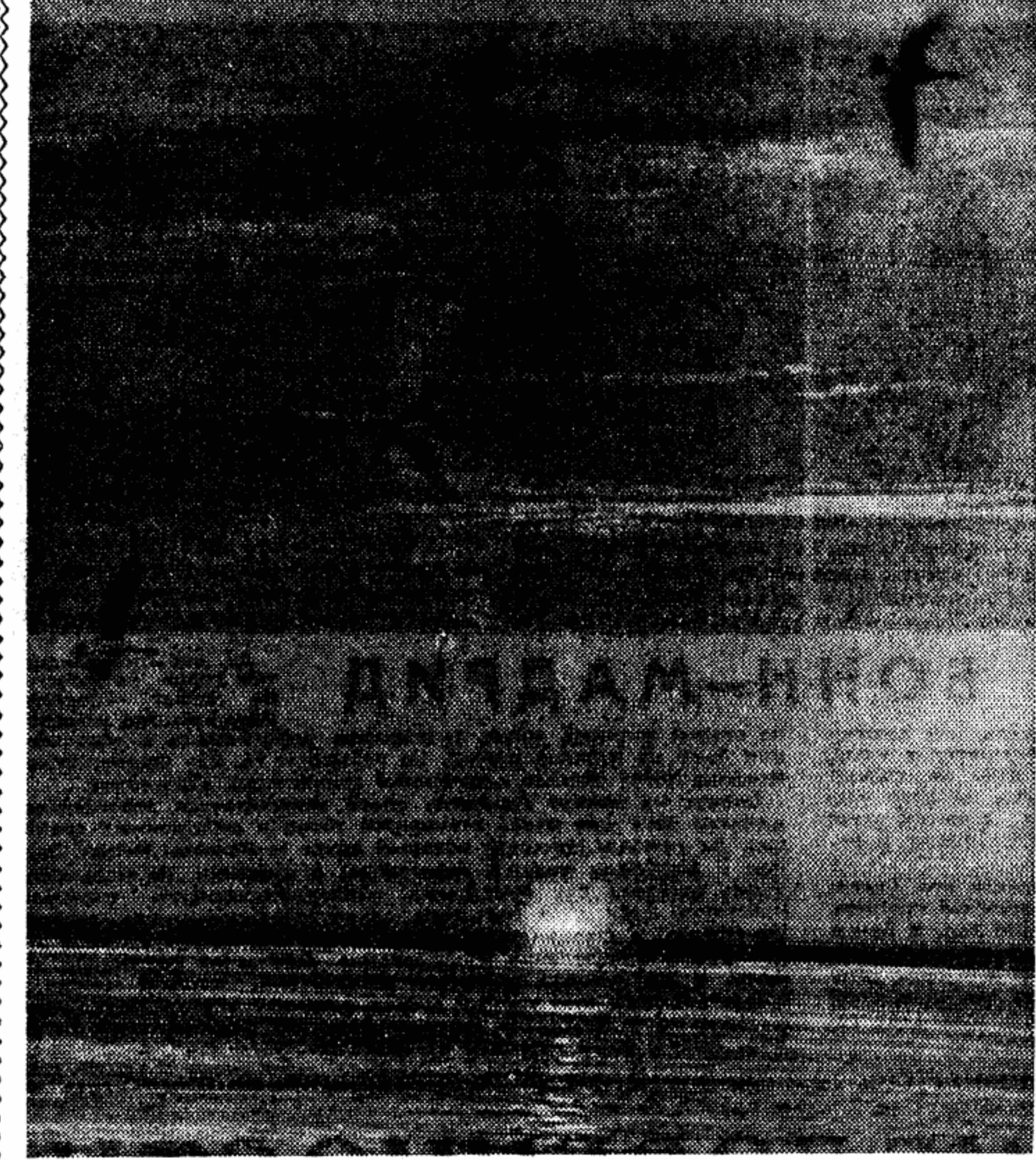
И все переживем — тоску и стужу, И, как сегодня, отстояв зарю, Мы, вспоминая праздник, выйдем наружу — и молча улыбаемся Октябрю.

Так писал поэт в 1941 году, предвещая и наше грядущее наступление, и нашу великую победу, и торжество мира на освобожденной от фашистских захватчиков советской земле.

Пересматривая теперь, много лет спустя, стихи Дудина, написанные в военные годы, поражаешься не только поэтической отзывчивости и зоркости молодого литератора, но и глубине его мысли и переживаний. Уже тогда им были созданы некоторые стихи, достойные того, чтобы быть отнесенными к лучшим произведениям советской лирики — назову «Соловьи», «Весна», «Осеня». В них с исключительной полнотой и щедростью чувства выразилась партийность поэтической мысли Дудина, партийность его взгляда на мир. Эти три стихотворения содержат как бы целую «философию войны». Проникнутые острым восприятием времени, надеждами на светлое будущее, думами о смерти и жизни, они полны верой во вселивое и духовную красоту человека, в бессмертие народа. Достаточно перечитать строки, рисующие первое пробуждение жизни на обожженной войной земле, чтобы ощутить и остроту поэтического зренья, и чувство природы, и силу лирического волнения. — словом, тот драматизм, присущий высокой лирике, который всегда неотразимо передается от поэта к читателю.

Да, Дудин начал отлично. Но бывает так, что, хорошо начав, некоторые поэты быстро «выскакивают себя» со сна, затем уже только повторяются, не ищут новых тем. К Дудину это никак не относится. Послевоенные годы явились для него временем новых творческих исканий, времен расширения его жизненного кругозора и дальнейшего поэтического роста.

Вот перед нами две новые книги Михаила Дудина: «отчетный» сборник

На север! Фото А. Перевозинова

ЖИЗНЬ ПИСАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ПОСВЯЩАЕТСЯ ИЛЫЧУ

К Ленинским дням в республиканском издательстве «Азерпресс» выходит из азербайджанского языка литературный сборник «Великий человек». В него вошли стихи и рассказы о Владимире Ильиче, написанные в разное время литераторами Азербайджана. Среди авторов — Самед Вургун, С. Рустам, Р. Раа, М. Рагим, О. Саринвали, А. Джамал, Э. Мамедханлы, Мир Джаала, С. Рахман и многие другие. Читатели познакомятся также с лучшими образцами ашукской поэзии — стихами и песнями народных певцов о великом вожде.

К СОРОКАЛЕТИЮ РЕСПУБЛИКИ

Нынешней весной исполняется 40 лет со дня провозглашения Советской власти в Азербайджане. Вместе со всем азербайджанским народом к этой священной дате готовятся и литераторы.

В апреле решено провести юбилейный пленум Союза писателей Азербайджана и вечер дружбы народов нашей страны с участием литераторов из братских республик. В районах республики выезжают И. Шихали, Г. Селайбейли, Б. Байрам, В. Шихали, С. Кадрибаев и другие писатели. Они встретятся с нефтяниками, металлургами, химиками, строителями, тружениками кооперативных хозяйств. Творческим итогом этих поездок будет серия очерков о людях семекетки.

В Баку, Кировобаде, Степанакерте и других городах Азербайджана проходят литературные вечера и конференции, встречи писателей с читателями.

НЕДЕЛЯ УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В начале нынешнего года в Ташкенте с успехом прошла неделя азербайджанской литературы. Сейчас писатели Азербайджана готовятся принять своих узбекских друзей, которые придут с отчетным визитом. Литературные журналы выкоплют читателей с новыми произведениями писателей Узбекистана. Вышла в свет на азербайджанском языке книга А. Хакхара и Айбека, большой сборник стихов узбекских поэтов, готовится к изданию роман Ш. Рашидова «Сильнее бури».

ИТОГИ ЛИТЕРАТУРНОГО ГОДА

Какими интересными и значительными произведениями порадовали азербайджанские прозаики своих читателей в нынешнем году? В чем удачи и просчеты отдельных авторов? Эти вопросы были посвящены двухдневное совещание в Институте литературы и языка имени Низами.

В Ариф, Мехти Гусейн, Мир Джаала, Г. Халмазов, Я. Сендов, Г. Алибекова, М. Валиев и другие участники совещания анализировали отдельные произведения, говорили о насущных проблемах азербайджанской художественной прозы.

Одна из важных особенностей прошедшего литературного года в Азербайджане —

ДНИ МОЛОДЕЖИ

Два раза в месяц — это уже стало традицией — в Союзе писателей Азербайджана бывает особенно многолюдно: сюда приходят студенты, молодые рабочие, учителя.

Занятия с молодежью проводят опытные поэты, прозаики, драматурги. Наиболее интересные произведения рекомендуют республиканским газетам и журналам.

Есть свое объединение и у русских литераторов. Оно существует 17 лет.

«ЮБИЛЕЙНЫЙ ГОД»

1960 год богат писательскими юбилеями. Исполняется шестидесять лет одному из старейших прозаиков Азербайджана — Сулейману Рагимову, полувековой юбилей отмечают поэт Расул Раа, прозаик и драматург Сабит Рахман, армянский писатель-барковец Маркар Давтян. Общественность готовится сейчас отметить драгоценную плодотворную деятельность видных представителей литературы республик.

Ю. ДАШЕСКИЙ, собственный корреспондент «Литературной газеты»

БАКУ

том, что сами приемы работы Бирюкова очень важны для педагогики. В печати раздались возражения некоторых педагогов по этой стороне романа. Не берусь судить, в какой мере был подоготовлен автор для профессионально-педагогической полемики, да и в конце концов, бог с ним — с «организованным диалогом», «индивидуальным опросом», «лапидарной системой» и прочей методикой и методологией — не только и не столько «этат» своей судьбы Андрей может стать для нас еще более привлекательным, еще более вырасти как личность.

Многое и здесь удалось автору. Мы видим, как без тени всякой рисовки проявляются теперь у Андрея черты убежденного бойца, а не просто упорного парня. Не только у детей, но и среди учителей «лучшей» в районе школы, прежде подавленных авторитетом и железным характером Степана Артемовича, Бирюков хочет пробудить самостоятельность, чувство заинтересованности в работе друг друга. Завтрашний день Андрея? Теперь сюда входит многое: школа, район, запросы нашей педагогики вообще, жизнь страны, которая делает гигантский скачок вперед и требует поэтому от каждого своего гражданина полного напряжения сил и мысли (вот в чем поистине современное звучание романа).

И однако уже здесь естественною полету романа «ракеты» мешают искусственно придуманные помехи (например, Степан Артемович спасает из речки дочку Андрея Антаньку; понятно, что после такого поступка хочется найти общий язык со спасителем, в результате чего развитие конфликта притормаживается). «Полет» романа выиграл бы от более всестороннего художественно-тактического изображения психологии окружающих. Как, например, на детях, в их внутреннем мире отражаются нововведения Бирюкова и Горбылева? Ответ в книге читает внешний. Возможно, здесь, как и в раскрытии психологии Валентины Павловны Ващенко, возможности тендрляковского таланта сдержи-

вает сама форма «дневника», повествования от первого лица.

Во втором «романе» романа обогащается мир мыслей Андрея, но по-прежнему дает себя знать его угловатость, в чем-то неприятный режиссерский характер; страстный поборник коллективизма, он во многом по своей вине остается «белой вороной» среди учителей, в том числе и тех, кто заинтересован его работой. Неудовольствие обоснованно, это его качество замкнутости, по существу, не меняется на протяжении романа.

Потом — начинается любовь, открывается словно третий роман в романе. Андрей влюбляется в жену Ващенкова. Любовь зарождается у Андрея из желания помочь Валентине Павловне обрести уверенность в себе, преодолеть несамостоятельность, робость мысли и характера. С другой стороны, поддержка Вали, ее чуткость и ее дружеское участие очень помогают Андрею. Они, Андрей и Валия, действительно «подходят» друг к другу, не в пример Тоне, чье бездумие не может не раздражать Бирюкова, не в пример и Ващенкову, который, не имея права, уговаривает Андрея, не может и уметь помочь жене. Уверенной рукой, убеждая нас, написаны главы, где рассказывается о том, как зародилось и крепло в Андрее чувство наконец-то наивенной настоящей любви. «Личная» линия вначале вполне органически связана с основной темой. А затем и здесь день, бегущий вперед, словно останавливается, ибо что же это такое, как не стоящее время, если дни и переживания героя всего лишь повторют друг друга? Перед нами опять островки, случайности.

«Василий Горбылев, друг и единомышленник Андрея, невзлюбил Валентину Павловну, он считает, что любовь к ней отвлечет Андрея от дела; так в общем и случается, происходит разномолвка между единомышленниками, тяжелая, надолго, а меня не покидает ощущение, что душевная негачность Василия — это что то нарочито.

Хотел ли автор всем этим показать, что так, в случайностях, через пре-

доление случайных преград и препон и осуществляется в жизни закономерное? Может быть. Но справедливее, мне кажется, иное объяснение, во всяком случае и иное.

Перед Тендрляковым стояло два возможных варианта судьбы Андрея: или вывести его на орбиту еще более значительного конфликта, где он развернулся бы шире, стал бы (как интеллектуально, так и эмоционально) человеком более значительным, или показать «падение» Андрея с высоты достигнутого им раннее, показать процесс поражения человека, не справившегося с возложенной им самим на плечи тяжестью, человека, не нашедшего в себе достаточных сил преодоления. И тот, и другой «варианты» по своему воспитательны. Но в той части романа, где герой терзается на почве любовно-семейных сложностей, присутствуют как бы два Андрея, образ «раздваивается» — и не в диалектике движения характера к чему-то новому, а в повторяющемся чередовании положительных и отрицательных качеств. Безвольный, нерешительный, возвращая к мыслям о себе только — качества, которые развиваются в Андрее, чуть-чуть отошел назад от своего дела, — автор не оправдывает, но переходит к оптимистической концовке после всего этого звучит натянуто, и эта натянутость не исчезает, а лишь усиливается от того, что автор закончил книгу фразой о «счастливым кресте», который его герой понесет завтра «к неизведанному, к непрожитому». «Крест»? Это что-то из другого «контекста»?

ЗДЕСЬ-ТО и хочется вернуться к разговору о просчете Тендрлякова в композиции романа, о том, что эта книга, собственно, без «середины».

Нужен отбор. «Траектория» Андрея Бирюкова оказалась непроработанной именно потому, мне кажется, что автор довольно беспеременно обошелся с временем. В 1945 году Бирюков был 21 год, затем прошло что-то около 12 лет, рассказанных скороговоркой, основное действие романа происходит в 1957 — 1958 годах. Не следовало ли этот отрезок в двенадцать лет (и каких лет, насколько важных для всей страны и для идейно-нравственного формирования поколения Бирюковых) также «представить» каким-то образом в романе — в тех или иных сценах, ситуациях, внутренних монологах героя. Это усилило бы общественное объяснение самого типа выбранного автором героя.

Это усилило бы героя для самого писателя. А то ведь Бирюков-учитель действует в романе так, будто мы знаем о том, что с ним было, как он духовно развивался за эти двенадцать лет. А Бирюков — страдающий влюбленный чувствует себя юншей, словно только что залопухавшим, за собой дверь первого института. Я не за то, чтобы растянуть роман, но за то, чтобы внести поправки в его «временную» композицию.

Каков же вывод? А вывод все же такой: роман «За бегущим днем» при всех просчетах автора — книга честная и полезная, книга, воюющая против «позорного благоуражания» различного мешанства, книга, зовущая нас идти, преодолевая трудности, в завтра. Книга талантливого писателя получилась неровной, но тем не менее она из тех произведений, о которых можно и нужно говорить по счету серьезного искусства. И пусть герой ее, Андрей Бирюков, ошибается, спотыкается, останавливается, — не извиняя его за это, но сочувствуя ему, я вспомню слова Льва Толстого, всегда актуальные для советского человека: «Чтоб жить честно, надо врать, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться... А спокойствие — душевная подлость».

Я думаю поэтому, что драматургия Арбузова и Розова так же, как драматургия Погодина, Софронова, Леонова, Корнейчука, и пьесы Володина не только не образуют некоего единства, а противоположны в самом существе и основном — в понимании нашей жизни, в своей идейной позиции, в том, куда эти авторы ведут и своих героев и своих зрителей.

К сожалению, драматическая литература народов СССР не вся и не всегда берется в расчет при критических выкладах и обобщениях, а между тем драматургии во всех республиках, конечно же, могут к общей пользе поделиться своими мыслями и плодотворным опытом. Так, к примеру, во многих литовских пьесах явственно ощущается особая лирическая изволнованность. Лирика как элемент современной драмы — интереснейшая тема, требующая специального разговора. И хотелось бы, чтобы «Водная лилия» В. Римкявичюса, «Двадцатая весна» Ю. Марцинкявичюса, историческая трагедия «Геркус Мантас» И. Груша — талантливые, пользующиеся признанием литовского зрителя лирические пьесы фигурировали в этом будущем всесоюзном разговоре. В их жизнеутверждающей, бодрой личностно заключено противоядие против ноющей, тусклой субъективности иных «лирически-психологических» драм.

На предстоящем пленуме правления Союза писателей СССР, наверное, не будет обойдена молчанием еще одна беспокоящая писателей и зрителей проблема — инвентурность мешанских «поддельных» пьес. А что греха таить, такого рода произведения бытуют — и порою с успехом — на многих сценах, во многих жанрах. Недавно я с некоторым прочем в журнале «Москва» вовделвил А. Софронова «Миллион за улыбку». Что спросить с вовделвил? Правда, в свое время уважительно говоривали, что «вовделвил есть вещь»... О вовделвиле Софронова, по справедливости, этого не скажешь. Драматург опытный, умелый, владеющий «секретом» веселья на сцене, знающий цену крепкой, сочной шутке (вспомним хотя бы «Денги» и «Стрипуху»), на этот раз и не остроумен, и не сочен, и не весел.

Пример, давно расширила горизонты видения, охватила огромное количество значительных явлений действительности, то драматургия пребывает все еще в плену номенклатурного списка дозволенных конфликтов.

ПРОБЛЕМЫ драматургии

— разве можно назвать веселыми банальные ситуации, примитивные, унылые острофы?

Мешанская драматургия часто предстает и в заманчивом обличье «проблемной» пьесы. Молодой литовский драматург В. Лимангас написал драму «Свадебный марш». Действие происходит в душливой, беспросто серой, мешанской среде. Мечта и поубудительный стимул, венец жизни главного героя-инженера — собственный дом. Во имя его он влезает в сомнительные, даже преступные махинации с доверенными ему государственным средствами. Довольно элементарная, банальная коллизия — воровать или воздержаться от этого — служит причиной длинного, спотыкающегося действия, скучных и неестественно углубленных «страданий» и «переживаний». А где и почему это происходит — такими вопросами автор, по-видимому, и не задавался. И пьеса пошла на сцену... А зачем? В последнее время все громче раздаются голоса, протестующие против бульварной, «шпиономанской», дешевой литературы, которая кое-где еще владеет вниманием читателей, против пошлых, ремесленных беллетристических поделок. Мешанские, развлекательные и псевдопроблемные пьесы — явление аналогичного порядка, и выступить против них — неотложная наша задача и обязанность.

Перед драматургом ныне стоит «сто тысяч почему», множество разнообразных и сложных вопросов. Как найти путь к сердцу современного зрителя — умного, тонко чувствующего, интеллигентного? Как сделать, чтобы рассказанное со сцены не оставило заурядного впечатления обычного «жизнейского происшествия», а выражало бы главные, достойные современности проблемы? Тут, конечно, не может и не должно быть никаких — своих или чужих — рецептов. Но как важно ожить «локоты» других литераторов и деятелей театра, посоветоваться, поспорить, вместе задуматься над тем, что интересует и беспокоит всех. В этом, мне кажется, своевременность и плодотворность широкого, свободного выражения мнений, развернувшегося в дискуссии о драматургии на страницах «Литературной газеты».

Ал. ДЫМЩИЦ

«Человек — человек!» в котором представлены избранные стихи за двадцать лет работы поэта, и книжка «Мосты», где собраны новые его стихотворения, навеянные путешествиями по зарубежью. Они — верное свидетельство успехов Дудина.

Михаил Дудин — талант лирический. Он — лирик по самой по стихотворческой сути. И не случайно даже лучшие его поэмы («Костер на перекрестке», «Дорога в гвардию», «Хозяйка», «Учитель») — это, в сущности, тоже лирика, лирические поэмы, в которых элемент повествовательный, описательный представлен скромно и неразвернуто. Авторские мысли и чувства — охватывают все и в стихотворениях Дудина. Больное того, Михаил Дудин любит писать о лично увиденном, о лично пережитом. Его стихи о Башкирии — это результат поездок к башкирским друзьям. Его стихи о Чехословакии — тоже результат поездки в страну друзей. Его «Мосты» — это впечатления и мысли, вызванные поездками по Западу. И во всех этих стихах перед нами — сам поэт, его раскрытое сердце.

Преобразование внутреннего (субъективного) элемента в поэтах обыкновенных есть признак ограниченности таланта. У них субъективность означает выражение личности, которая всегда ограничена, если является отдельно от общего», — заметил Белинский в знаменитой статье «Стихотворения М. Лермонтова». Но он же всемерно поддерживал преобразование внутреннего элемента в поэтах необыкновенных, в талантах большого гражданского содержания. Дудин — один из тех наших лириков, личность и взгляды которых интересны и близки широкому читателю. Это потому, что в его стихах ярко выражаются личность гражданина и поэта, мысль и чувства, характерные для нашего народа — и сказал бы, мысли и чувства, с одной стороны, соборные, а с другой — избирательные.

Что сохранилось у Дудина от начального этапа его творчества (и, надеюсь, навсегда) — это «солдатская записка». В этом смысле он близок таким нашим мастерам старшего поколения, как Николай Тихонов, балладам которого «подражал» некогда, как Алексей Сурков.

И все переживем — тоску и стужу, И, как сегодня, отстояв зарю, Мы, вспоминая праздник, выйдем наружу — и молча улыбаемся Октябрю.

Так писал поэт в 1941 году, предвещая и наше грядущее наступление, и нашу великую победу, и торжество мира на освобожденной от фашистских захватчиков советской земле.

Пересматривая теперь, много лет спустя, стихи Дудина, написанные в военные годы, поражаешься не только поэтической отзывчивости и зоркости молодого литератора, но и глубине его мысли и переживаний. Уже тогда им были созданы некоторые стихи, достойные того, чтобы быть отнесенными к лучшим произведениям советской лирики — назову «Соловьи», «Весна», «Осеня». В них с исключительной полнотой и щедростью чувства выразилась партийность поэтической мысли Дудина, партийность его взгляда на мир. Эти три стихотворения содержат как бы целую «философию войны». Проникнутые острым восприятием времени, надеждами на светлое будущее, думами о смерти и жизни, они полны верой во вселивое и духовную красоту человека, в бессмертие народа. Достаточно перечитать строки, рисующие первое пробуждение жизни на обожженной войной земле, чтобы ощутить и остроту поэтического зренья, и чувство природы, и силу лирического волнения. — словом, тот драматизм, присущий высокой лирике, который всегда неотразимо передается от поэта к читателю.

Да, Дудин начал отлично. Но бывает так, что, хорошо начав, некоторые поэты быстро «выскакивают себя» со сна, затем уже только повторяются, не ищут новых тем. К Дудину это никак не относится. Послевоенные годы явились для него временем новых творческих исканий, времен расширения его жизненного кругозора и дальнейшего поэтического роста.

Вот перед нами две новые книги Михаила Дудина: «отчетный» сборник

Л И Т Е Р А Т У Р Н А Я Г А З Е Т А

№ 33 17 марта 1960 г. 3

ЭТОГО ЖДУТ ВСЕ ДРУЗЬЯ МИРА

Илья ЭРЕНБУРГ

Т ЕПЕРЬ много пишут о связях между Россией и Францией; вспоминали даже Ануу Ярославну. Дело, конечно, не в этой весьма примечательной женщине: французские короли женились на княжках и принцессах различного происхождения. Незадолго до вступления в дебри XI века: есть события, есть имена, есть даты куда более свежие, свистелисьшие о любви — не между царствующими и давно исчезнувшими династиями, а между благополучными здравствующими народами.

Можем ли мы забыть, что наша молодая русская литература вдохновлялась творчеством великих французов? Можем ли мы забыть, что в той кровавой карнизе, которая разыгралась в Европе в 1812—1814 годах, Наполеон вернулся из Москвы с опущенными штырями военных завоеваний, а русские офицеры-декабристы вернулись из Парижа с уверенностью в ценности великих принципов Французской революции? Мы ценим не Вольтера, корреспондента Екатерины II, а Вольтера, затанцованного и учителя многочисленных русских вольнодумцев, которых перуанские жагдари именовали «вольтерами». Не то существовало, что с Воробьевых гор Наполеон смотрел на Москву, существовало, что на тех же Воробьевых горах молодые Гершен и Огарев как бы видели перед собой огни передовой Франции. Можно пойти в любую районную библиотеку и спросить, каких иностранных авторов больше всего спрашивают читатели, ответ будет неизменен: «Конечно, француз». Так было в 1860 году, так продолжается и в 1960 году. Искусство не моты, гении не устаревают: Баальбаб остается гением по лабиринту Парижа, Стендаль продолжает вдохновлять раскрытием человеческих страстей, имена Флобера, Мопассана, Анатоля Франса вошли в биографию любого советского человека. Мы знаем, что вот уже подрастают те, кто Франция является живой школой всей Европы. Перед полковником Делакруа, Курбе, Мане, Сезанна, Матисса, Пикассо никто не вспоминает о короле Генрихе, супруге Анны; но каждый день тысячи советских людей, глядя на эти полотна, вспоминают, что есть на свете подлинная живопись.

Я мог бы рассказать о другом, хотя бы о том, что Толстой, Достоевский, Чехов открыли писателям Франции новые высоты, новые глубины. Право же, француз 1960 года чаще думает об Анне Карениной, чем об Анне Ярославне! Я мог бы также напомнить о воздействии русской музыки — от Мусоргского до Прокофьева и Шостаковича; о притягательном образе Маяковского; о несомненном репее «Броненосца Потемкина»; о театрах Станиславского, Мейерхольда, Вахтангова, Таирова, гастроли которых отразились на развитии советского искусства Франции.

Важно даже не это, а та несомненная любовь, которую испытывают русские к французам, французам к русским, любовь, оказавшаяся сильнее всех дипломатических размовок. Раскрыть ее резоны не легко: тем и сильна любовь, что не поддается сухому анализу. Она отнюдь не покоится на сходстве народных характеров, скорее — на их несхожестве, на том новом, новом и милом, что открывают французам в русском романе, а наши люди во французской истории, во французской патристике, во французской шутке. Со сходными характерами трудно прожить всю жизнь вместе — те же достоинства, те же недостатки, мир невольно сожалеет. А мы и французы хорошо дополняем друг друга.

1812 год дался позати. 1914 куда ближе. Еще ближе 1942... Здесь присутствуют дорогие наши друзья, детички полка «Нормандия — Неман». Я вспоминаю Иванову суровой зимой 1942 года — и пришла Чула, чтобы навестить только что прибывших в Советский Союз французских детичков. Они прибыли к нам в

Речь на торжественном вечере, посвященном культурным связям СССР и Франции, который состоялся в Москве 12 марта.

Франция и Армения

КУЛЬТУРНЫЕ связи Франции с моей малой родиной, о древней Армении возникли давно. В XIX веке в Париже выходило несколько армянских газет. Самая старая из них — «La Colombe du Mississ», «Масис агаван», в переводе на русский «Голубь Масис» (Масис — гора Арабат). Французская классическая литература почти полностью переведена на армянский язык. Первые переводы были сделаны мистерами в Венеции и Вене (ученая конгрегация армянских литераторов Константина, Смирны, Паприка, «Ювэржанне» Гого выжили в Смирне на армянском языке спустя лишь три года после издания этой книги во Франции. Гого очень популярен в Армении. В 1935 году в Париже Аршак Чобанян издал книгу «Виктор Гюго, Шатобриан, Ламартин». Крупнейший литературовед и армяновед А. Чобанян долгие годы жил и работал во Франции. Он был редактором парижского журнала «Аниет». Недавно в Музей литературы и искусства Академии наук Армянской ССР поступил из Парижа богатейший архив А. Чобаняна. В этом архиве (13 000 документов) хранятся письма от А. Додз, А. Барбюсса, А. Франса, Ф. Коллема, Фр. Верфляка, Ф. Манюшана, А. Мейя. Там же — документ, относящийся к одному из самых трагических периодов в истории армянского народа — к разне 1896 года. Это оригинал жалобы, подписанной Э. Золя, А. Франсом, Ж. Жоресом, А. Додз и другими.

те трудные дни, когда даже наши боевые союзники гадали, сколько нам осталось жить — год или месяц. В жизни каждого бывают тяжелые дни. Мы ценим друзей, которые приходят к нам не тогда, когда нас честуют, а когда даже собака благодушно обходит порог дома, где царит горе. Мы не забудем тех, кто пришел к нам до Сталинградской победы. В Иваново они говорили: «Мы будем сражаться в русском небе за французскую землю»... Каждый раз в Париже, когда я прохожу по площади, которая носит имя Сталинграда, я вспоминаю и моих близких, моих соотечественников, стоявших на смерти на узенькой полоске привольской земли, и партизан Франции, которых вели на расстрел и которые, умирая, ввели перед собой день, что занимался над далекой русской рекой.

История — забавная наука, ее меняют, приписывают, недописывают, переписывают; но история тесно связана с географией: А народы живут там, где они возникли: своя страна не квартира, ее не променяешь. Мы живем с французами в двух крыльях одного дома. Это довольно безопасный дом. За одну человеческую жизнь мой сверстник дважды пережил войну, нашествие, развалины. Вот уж в чем мы пойдем друг друга, французы и мы, — мы знаем войну не по фильмам, не по статьям, и мы хотим мира не на экранах, не в газетах, мы видели войну на нашей земле, и на нашей земле мы хотим мира.

В 1916 году я был во французском городе Аррасе, когда его древние здания разрушили снаряды. Аррас французы отстроили, и четверть века спустя на него снова посыпались бомбы. Я видел Нормандию: она заново отстроена героическими усилиями французского народа. У нас много таких Нормандий. Мы знаем, что значит потерять близкого человека. Мы знаем также, что значит отстроить разрушенный дом. Мы хотим, чтобы дети Арраса, как и дети Воронежа, больше не отстраивали разрушенных домов, а строили новые, нам не сившиеся. И для этого нужен мир.

Мы никогда не присоединялись к тем, что преждевременно хоронили Францию; и теперь, перед поездкой Н. С. Хрущева в эту страну, я хочу напомнить, что Советский Союз первым настаивал на признании Французского комитета национального освобождения, во главе которого стоял генерал де Голль.

Мы все надеемся, что поездка главы Советского правительства во Францию будет полезной и для нас, и для французов. Я слышал по радио — не по французскому и не по нашему — различные пессимистические прогнозы — говорили, что точки зрения двух государств весьма далеки и что беседы не могут ни к чему привести. Скажу откровенно, мне бы очень хотелось поговорить по душам с мрачными оракулами, попытаться, чем проиктованы их пророчия. Конечно, нелегко рассеять недоверие, рожденное годами «холодной войны», мы это понимаем не хуже других. Но когда предстоит трудная работа, нужно пожелать людям успеха, а не каркать и не говорить под руку «ничего у вас не выйдет». А вот, может быть, на зло плохим пророкам, и выйдет. Я, конечно, не стану здесь касаться предмета предстоящих бесед между главой Советского правительства и президентом Французской республики — меня никак не соблазняет роль бегемота в посудной лавке. Скажу только, что Франция — великая держава, ее умножившее воздействие на некоторых противников переговоров может быть весьма полезным, а сближение точек зрения советской и французской накануне совещания на высшем уровне поможет его успеху. Удачный март подготовит удачный май.

Меня радует поездка товарища Хрущева во Францию еще и потому, что Ники-

та Сергеевич увидит народ труда, народ большой культуры, народ, ценящий мир. В свою очередь французы увидят человека, которого мы с полным правом считаем хорошим советским человеком, человеком, знающим, что такое труд, способным отстаивать и способным отстаивать дело мира.

Какое счастье, что кончалась эпоха диалога глухих, что люди теперь не только говорят, но и слушают собеседника! Какое счастье, что и большие государственные деятели, и обыкновенные люди начали заглядывать в чужие страны! Теперь много говорят о том, что предстоит обследовать Луну, может быть, даже Марс или Венеру. Это очень хорошо. Но, право же, и наша планета еще далеко не обследована. Конечно, на картах значатся все горы, все острова, но люди все еще не знают, как живут их близкие соседи. О чем думать, что чувствовать. Все, что может помочь человеку узнать других, одному народу поближе заглянуть в сердце другого, способствовало делу мира.

Пожелаем доброго пути Никите Сергеевичу! Пожелаем главе Советского правительства и президенту Французской республики искренних, хороших и плодотворных бесед! Этого ждем от них мы. Этого ждем от них Франция. Этого ждем от них все друзья мира.

Г. ЗЛОБИН

В ПОИСКАХ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

ЗАМЕТКИ О НОВЫХ ПЬЕСАХ АМЕРИКАНСКИХ ДРАМАТУРГОВ

...Джеб Уилнер слыл в округе человеком со странностями: он любил по вечерам, покуривая трубку, сидеть на крыльце и смотреть, как садится солнце. Но вот беда: некая предприимчивая компания воздвигла у дороги, как раз напротив его дома, громадный щит с изображением девицы, демонстрирующей предметы дамского туалета... Солнце, закрытое рекламой, — какой грустный и точный символ! Но Джеб Уилнер хочет, чтобы ему улыбалось солнце, а не коммерческая дива, и он рубит щит...

Эта небольшая пьеса Ралфа Шолла «Золотой топор» была поставлена в скромном театре Калифорнийского университета. И тем не менее она, быть может, лучше многих известных и модных пьес отображает перемены, происходящие в драматургии США.

Перемены эти ошутмы во всем: в настроениях художественной интеллигенции, в постепенном перемещении центра театральной жизни с Бродвея в «малые» театры Нью-Йорка, где ставятся «серьезные» драмы, в появлении пьес, повернутых к реальной жизни. Театр Америки невозможно представить теперь без А. Миллера и Т. Уильямса — двух очень разных по манере драматургов. Миллер тяготеет к традиционным формам. Театр Уильямса — это то, что на Западе некогда именуется «авангардизмом». В пьесах этого много протекло, движения, сценической условности. Теннис Уильямс — выходец из Южных штатов. Оттого, вероятно, в творчестве драматурга причудливо переплетаются черты изощренной аристократической культуры и народная негритянская традиция с ее резким эмоциональным накалом и близкой мечтательностью. Романтическая нежность к обездоленным, хрупким натурам сменяется изображением примитивных, нередко извращенных страстей.

Но Миллер и Уильямс кое в чем и родственны: обоих занимают специфические проблемы своей страны, оба далеки от идеализации ее. Миллер после известной трагедии «Вид с моста» пока не создал ничего нового. Еще более огорчительно это в теоретических работах на обнаруживается склонность пересматривать свои пьесы, выводя из них на первый план «общечеловеческие» коллизии в ущерб конкретному реалистическому содержанию. Т. Уильямс, напротив, работает много, хотя и крайне неровно. За жизненной, осуждающей жесткие нравы американского Юга трагедии «Орфей нисходящий» тут же последовала пьеса «Внезапно прошлым летом», несущая зримые следы декадентских влияний. А в следующем сезоне на Бродвее появилась «Сладкоголовая птичка юности», где выведена сатирическая фигура циничного полигамника. Пьеса исполнена болтушкой публицистической молодости и лезвием сурьбы героя — молодого парня, вернувшегося из Корей. При всей условности драм Уильямса ощущается неподдельный тыгу автора и добру и чистоте.

Недавно была поставлена пьеса У. Сарояна «Пещерные жители», очень характерная для новых веяний на американской сцене. Название пьесы символично: как в пещере, отгородившись от равнотного и холодного мира, обитает в брошенном здании группа бездомных, голодающих людей. У них одна опора в жизни: личные привязанности, товарищеская поддержка, взаимное участие. Сароян верен себе. Под занавес он дает своим героям и надежду — она является в обличье инженер-строителя, которому поручено разобрать здание и воздвигнуть новое.

В том же приблизительно ключе выдержаны семейно-бытовые драмы Уильямса Инга, посвященные «маленьким» людям, их горестям, надеждам, стремлениям найти «человеческий» друг в друге. Инг реалистичен в широком смысле этого слова: он правдив, без глянцовой бродвейской оперетты и без угодности Т. Уильямса рсует «однозначную Америку».

Последняя пьеса Инга — «Тыма на втором этаже» нависает над сурьбой неудачливости коммивояжера Рубина Фулда отчужденности детей, неустроенности, забота о хлебе насущном. «Мир как будто сошел с ума из-за денег, — с горечью размышляет Рубин. — А если у человека нет в кармане миллиона, что он может быть другим?». В стране, где родился, я чувствую себя чужим». В пьесу врывается трагическая нота — самоубийство одинокого еврейского мальчика, вызванное нетерпимостью местных стяжателей. И все же в пьесе торжествует жизнь — пусть нелегкая, не «праздничной подарок», а многотрудная и не совсем понятная, такая, когда можешь быть близким людям только свое понимание и свою любовь.

ЭМА МИРЗАБЕКЯН
ЕРЕВАН

«ОСЬ» БОНН-МАДРИД

Эти два снимка помещены в последнем номере западногерманского иллюстрированного еженедельника «Ревю». Приглядитесь, читатель, как похожи внешне эти фотографии одна на другую: ослабевшие в улыбке. Физические, немые рукопожатия... Но дело не только во внешнем сходстве! Хотя между западнотемными на фотографиях лежат почти двадцать лет, суть обоих событий одна: агрессивный союз между фашистской диктатурой Франко и рваншистским германским милитаризмом.

Что же изображено на снимках? «Ревю» объясняет это. Слева: «1940 год. Гитлер приветствует Франко на французской границе. События и соратники встретились». Справа: «1959 год. В Бонне Штраус приветствовал испанского министра иностранных дел Кастелья. Три месяца спустя западногерманские офицеры вели в Мадриде переговоры о создании военных баз на испанской земле. Мировая общественность, помнящая о событиях 1936 года, с негодованием реагировала на это сообщение».

Да, события тридцати лет не забыть! Не забыть «полночь Испания» где, готовясь к войне, были верным соратником фашистских агрессоров. Сейчас на западе Германии снова возродился агрессивный парамилитаризм. Ему уже опять становится тесно в собственных границах. На помощь приходит «старый друг» — Франко. Между Бонном и Мадридом ведутся переговоры о создании на испанской земле военных баз Bundeswehr. Западногерманские генералы чувствуют себя уже настолько самостоятельными, что, затеяв переговоры с франкистами, не особенно беспокоятся, какое это произведет впечатление на население ФРГ и на союзников по НАТО. И вот сегодня, учитывая возмущение, которое вызвал у общественности этот тайный сговор, журналу «Ревю» приходится восклицать: «Германские военные базы во франкистской Испании. Только этого нам еще не хватало!».

крайне условных действующих в пьесе лиц хотя бы крупную логику. По части бессмыслицы Лоренс оставил, пожалуй, позади своих европейских коллег.

На пути к реалистическому театру в Америке немало препятствий: нелегкие условия работы писателей, отсутствие репертуарных трупп, коммерческие ажиотаж, конкуренция кинематографа и телевидения и т. д. и т. п. Среди них, как это ни парадоксально, — «самый национальный» жанр театрального искусства США, музыкальная комедия. «Мюзикл» буквально забивают на Бродвее составляя около половины всех спектаклей. Их ставят по бестселлерам, классическим романам, по пьесам. Такой участи подвергся, например, «Пигмалион» Б. Шоу.

В большинстве своем «мюзиклы» — нехитрые легкие действа с куплетами и танцами, примечательные лишь пылкими постановками и участием популярных «звезд». Однако попадаются и вещи, претендующие на нечто большее, нежели простая развлекательность. В «Случае на Вест-Сайд» зрители открываются мир манхэттенских беспризорных, мир взаимной ненависти двух банд — «реактивных» и «акул», враждующих из-за владения «территорией». В пьесе много болезненных страстей, воинственных криков, диких драк. На этом мрачном фоне развешивается трогательная история любви пуританской девушки Марии и поляка Тони, принадлежащих к соперничающим лагерям. Но любовь их трагически обрывается: Тони и два других подростка убиты во время уличной схватки.

«Случай на Вест-Сайд» — странная смесь жестокости, сентиментальности

и дидактичности. «Это не реализм», — коротко заметил по поводу спектакля некогда побывавший в Москве Эрскин Колдуэлл. И в самом деле, создается впечатление, что автор коснулся большого предмета — детской преступности и расовой нетерпимости — для того лишь, чтобы «реальнее» подать на этом фоне историю современных Ромео и Джульетты.

Как же расценивает американская буржуазная критика современную драму США? Об этом можно судить по дискуссии, прошедшей минувшей осенью на страницах некоторых изданий. «Будущий исследователь... слишком мало узнает о нашей жизни из бродвейских пьес последнего сезона», — пишет Мария Маннесс в «Нью-Йорк таймс» от 10 августа.

«Занятый своими собственными делами, наш театр отгородился от главного потока жизни, который занимает умы и сердца подавляющего большинства нашего населения», — возриет ей Брукс Аткинсон в той же газете две недели спустя.

«В наших современных пьесах очень мало современности», — подводит итог Роберт Брустайн в октябрьской книжке «Харперс мэгэзин».

В этих оценках — немало справедливого, но еще больше — предвзятости и тенденциозности. Не без оснований критиковал Т. Уильямса за то, что его Инга — за натуралистичность. А. Маджиша — за библискую тематику, названные авторы игнорируют плодотворные сдвиги в отечественной драматургии. Не потому ли, что представление об Америке, которое складается из многих новых пьес, не соответствует рекламным картинкам американского стиля жизни?

НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТЕМЫ

Авантюрист в роли... обвинителя!

АНДЕРС... Кто не помнит этого имени! В тиши кабинетов многих разведок в тайной канцелярии Гитлера родился его мрачная слава. Слово двуклассный Янус прошел он по страницам летописи провокаций и грязных дел второй мировой войны и беславно канул в Лету. Поляк по анкете, авантюрист по ремеслу, Андерс исчез с горизонта после разгрома гитлеровской Германии.

Но вот 15 лет спустя это имя вновь запылало на столбах зарубежных газет. Почему, что случилось? Как всплыл на поверхность этот политический трутень?

В сумрачном зале лондонского «Law Court» слушалось на днях дело. Английские прогрессивные журналисты метко окрестили его процессом «призраков прошлого». Андерс требовал сатисфакции от парижского органа польской эмиграции «Narodowe» («Националист»), «приписавшего» ему «веру в победу Гитлера». Смешно, не правда ли? Пан Андерс, предавший польского народа, генерал, услуживший всем, что больше платил, угодливый, замешанный в гибели генерала Сикорского, разыгрывает из себя... пострадавшего!

Конечно, может быть, не стоило бы вспоминать об Андерсе — уж очень грязная это фигура. Но то, что происходило на процессе, не только смешно, но и мерзко. Напомним кратко суть дела. В свое время, поддерживаясь кое-чем на Западе, Андерс выпустил книжонку «Армия в изгнании». В ней он поощрил и народную Польшу, и Советский Союз, и своих противников по эмиграции. Года четыре назад парижский «Националист» от этой покладки тиснул статью. В ней он изрек следующее: «Во время второй мировой войны генерал Андерс не смел считать себя поляком — он отказался от битвы за Варшаву, был врагом правительства Сикорского и верил в победу Гитлера».

«Националист», разумеется, не столько думал о восстановлении истины, сколько о другом. Тесно связанный еще с одним «делом» реакционной эмиграции Миколайчиком, «Националист» давно весьма копошился на Андерсе. Ведь последний явно пытался стать «идеальным вождем эмиграции». Однако на эту же роль претендует много других «бывших».

Долго помалкивавший на эмигрантских заворках, Андерс ныне учуял теплотен международной обстановки и решил внести и свою лепту в фонд «холодной войны». И вот затеян «процесс». Андерс клинул клин: в зал суда селетись всякие «призраки прошлого». Они хрюпко клялись, что генерал — истый поляк, что ладис, что генерал — истый поляк, что ладис, что генерал, служа в русской царской

кавалерии... он говорил по-польски. Но расхолись на приглашение и десятку свидетелей в зал суда не оправдались. Когда адвокат задал вопрос: «Правда ли, что вы поклялись «освободить Польшу, но для этого вам нужна третья мировая война?» — Андерс, не задумываясь, выпалил: «Да!.. Ни я, ни вы не знаем, что может произойти в будущем».

Андерс вынужден был признать, что вывел польскую армию из Советского Союза, что отказался от совместных действий с Вооруженными Силами СССР. И это — вопреки распоряжениям правительства Сикорского, которому был подчинен. Напомним, кстати, что еще в начале войны Советское правительство, идя навстречу пожеланиям поляков, вынужденных оставить порабощенную гитлеровцами родину и нашедших приют в СССР, разрешило Сикорскому сформировать здесь армию. Поляки получили оружие, продовольствие и снаряжение и должны были вместе с нами вступить в битву с общим врагом. Советская страна выполнила свои обязательства. Но Андерс увел польскую армию в Иран, а позднее зарплатил ее монополией, пославшим на чужую шефь, и т. п.

В книге романиста Ежи Климовского «Я был авантюристом Андерса», которая готовится к изданию в СССР, автор прямо говорит, что Андерс сознательно шел на разрыв польско-советских отношений. А перед встречей генерала Сикорского с советскими представителями в Ираке подготтил катастрофу самолета Сикорского. Характерный факт: даже Уинстон Черчилль, беседуя с Андерсом в Каире, был шокирован утверждением последнего, что Андерс непременно захватит Кавказ и Гитлеру покончит с Россией».

И после всего этого «защитник» польского народа силится обелить себя! Мало того, он вновь клеветает на свою страну, на Советский Союз. Его высказывания на суде подобны бреду параноика. Андерсу нужна третья мировая война! Он хочет... «освободить» Польшу!

Польский народ давно предал забвению и Андерса, и всю клику вражеских политиканов, именующих себя «вождями польской эмиграции». Народная Польша заслужила уважение своего прогрессивного мира, она член Совета безопасности ООН. Что значит на этом фоне жалкий пигмей Андерс!

И все-таки мы сочли нужным рассказать об этом. «Процесс» обошелся в десятки тысяч фунтов стерлингов. Кто же расхотел такие деньги на явно бесплодную затею? Кто? Кому понадобилась вся эта грязная возня в преддверии совещания на высшем уровне? Я. НЕМЧИНСКИЙ

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ. Редакционная коллегия: В. Н. БОЛШОВИТНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛКИН, Г. Д. ГУЛИЯ, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.